

МАЛОРОССІЙСКІЯ
ЧЕРВОНОРУССКІЯ
НАРОДНЫЯ
ДУМЫ и ПѢСНИ.

Санктпетербургъ.

въ типографіи Эдуарда Праца и К°.

1856.

МАЛОРОССІЙСКІЯ

и

ЧЕРВОНОРУССКІЯ

НАРОДНЫЯ

ДУМЫ и ШВСНИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА и К°.

=

1836.

печатать позволяет,
съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлены были въ Цен-
сурный Комитетъ три экземпляра.

Санктпетербургъ, 6 Мая 1836 года.

Цензоръ Пётръ Корсаковъ.

ОТДЕЛЕНИЕ I.

**МАЛОРОССИЙСКАЯ
ДУМЫ и ПѢСНИ.**

Мы имъемъ уже два собранія Украинскихъ пѣсень, Гг. Срезневскаго и Максимовича. Я спасъ еще нѣсколько народныхъ пѣсней, и представляю ихъ въ этомъ собраніи. Вѣроятно, это можетъ быть послѣднее ихъ изданіе, заимствованное прямо изъ Малороссіи, — тамъ народныя пѣсни давнимъ давно уже не существуютъ; всѣ онъ исключительно замѣнены солдатскими, или Великороссійскими пѣснями. Малороссійскій парубокъ застыдъ себѣ почитаетъ пѣсть другія. Пословица справедливо говоритъ: что все хорошо на своемъ мѣстѣ; если Русскія пѣсни такъ прекрасны въ устахъ лихаго солдата или ямщика, то ничего не могутъ быть онъ ужаснѣе при пѣшіи ихъ Малороссіяниномъ, съ его густымъ басомъ и медленнымъ выговоромъ словъ. Пройдитесь по Малороссійскому селенію въ тихую ночь, когда молодежь собирается на улицу или вечерницу — страхъ невольно пробѣжитъ по вашимъ нервамъ: представьте себѣ мужика, который одну поту тянетъ съ дребезжущимъ крикомъ до безконечности, заглушающій хоръ подоспѣваешь въ помощь этому запѣвалъ — и вы въ опасности потерять органъ слуха..... невольно закрывъ уши, вы уйдете какъ можно далѣе; но въ отдаленности голосъ пѣвцовъ становится еще испрѣятие, это совершенный вой волковъ. Примѣчательно, что и женскій полъ въ Малороссіи разлюбилъ свои прелестные томные пѣсни, гдѣ воспѣвались любовь и разлука

ка съ милымъ козаченькомъ, и гдѣ съ такимъ неизъяснимымъ чувствомъ и простотою красавица выражала:

Только минѣ легче становѣтъ,
Якъ крошку заплачу! или
Ой не видно того села — только видно хресты,
Туда милѣ любо, мило оченьками свести!

Нѣть, теперь ужъ этого пѣнія отъ нихъ не услышите и между ними есть запѣвалы, и пискливой хоръ, и какой! не скажу обѣ немъ ни слова. Не зная Великороссійскихъ женскихъ пѣсней, дѣвушки Малороссійскія поютъ одинъ и тѣ же пѣсни, какія и ихъ парубки, т. е. солдатскія и ямщицкія. Нерѣдко мужчины и женщины поютъ вмѣстѣ эту пѣсню, или, лучше сказать, горланятъ, составляя самый забавный въ мірѣ концертъ..... Проехжайте всю Малороссію вдоль и въ поперегъ, и я ручаюсь вамъ, что вы не услышите ни одной національной пѣсни. Изъ дѣсяти парубковъ едва ли сыщется одинъ, который можетъ вамъ пропеть «мужицкую писню» и то какуюнибудь женскую. И горе ему, если услышать это его товариши, онъ будетъ осмеянъ какъ «мужикъ». Эти мужицкія пѣсни вы можете услышать только гдѣнибудь въ уединеніи — въ полѣ въ лѣсу, и то въ искаженномъ видѣ. Новѣйшая Малороссійская народная музѣ ничего еще не произвѣла, кромѣ двухъ или трехъ пѣсень о рекрутскихъ наборахъ, которыхъ содержаніе взято также изъ солдатскихъ и имѣютъ Великороссійскіе голоса; тоже должно сказать и обо всѣхъ уцѣлѣвшихъ Малороссійскихъ пѣсняхъ: всѣ они поются на ладъ «парня и дѣвки»; чрезъ двадцать лѣтъ мы будемъ отыскивать настоящіе ихъ

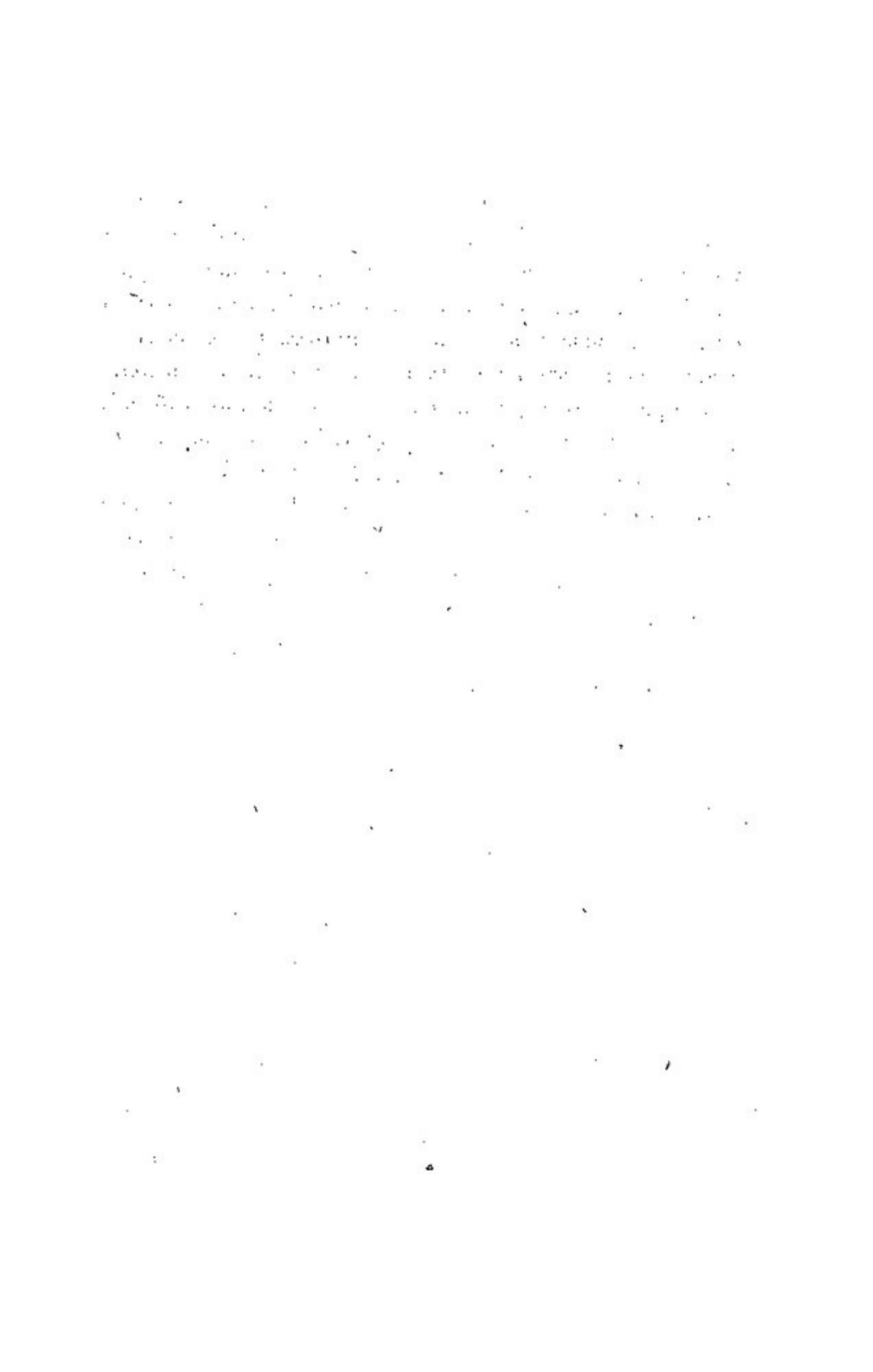
голоса въ Галиціи или въ Венгріи у Карпато-Руссовъ (*). Однѣ только свадебныя и другія обрядныя пѣсни уцѣлѣли.

И такъ эти пѣсни , которыя я издаю , есть уже мертвыя для Малороссіянъ. Это только малѣйшіе остатки той чудной пѣсенности ихъ дѣдовъ , которая была удивленіемъ и самыхъ хулителей всего Украинскаго ; не стану разсуждать объ ихъ достоинствѣ и голосахъ , — скажу только ; что я считаю себя исполнившимъ долгъ звонъ предъ своею родиною , исторгнувъ изъ забвенія эту Южно-Русскую народную поэзію у старцевъ , занесшихъ одну ногу во гробъ. Я посвящаю ее моимъ предкамъ Гетьманцамъ , она имъ принадлежить ; быть можетъ хотя одинъ листочекъ изъ сего собрания упадетъ на завалившуюся ихъ могилу или долетитъ на высокій курганъ козацкій.

Издатель.

С. П. Б. 1836 года. 4 Мая.

(*) Замѣтимъ еще , что ветарину въ Малороссіи , каждый поселянинъ былъ музыкантъ , въ каждой избѣ можно было найти скрипку , гусли или бандуру ; теперь едва ли въ большомъ селеніи сыщется одинъ скрипачъ ; — новѣйшее птніе не нуждается въ музыкѣ.

БАЙДА.

Благодаря почтеннымъ нашимъ собирателямъ народныхъ Малороссийскихъ эпопей, мы имъемъ теперь почти обѣ всѣхъ герояхъ южнаго нашего отечества прекрасныя думы; между тѣмъ какъ обѣ одномъ знаменитомъ лицѣ — Дмитріѣ Вишневецкомъ народная муга ничего, повидимому, не передала. Сей потомокъ Святаго Владимира судьбою былъ вовлеченъ въ общую участъ злосчастныхъ Русиновъ, — въ единственное пристанище ихъ свободы, — на Хортицкій островъ. Тамъ онъ является главою Запорожцевъ. Счастливо отразивъ отъ него нападеніе Крымскаго Хана, но, въ послѣдствіи, будучи оттуда выгнанъ Волохами и Турками, онъ овладѣлъ Черкасами и Каневомъ, и предложилъ Іоанну Грозному покорить скипетру его всю южную Русь; къ несчастію Іоаннъ, болѣе обращавшій вниманіе на Ливонію, отвергнулъ это предложеніе. Однако Вишневецкій сослужилъ службу Царю Бѣлому, — истребляя Крымцевъ при Азовскомъ морѣ, и основавъ па Дону городъ Черкасскъ; съ сего времени Донскіе козаки, усиленные поселившимися между ними Запорожцами, являются въ Исторіи какъ общество политическое. Выпишемъ изъ исторіи Малой Россіи Г. Бантыша-Каменского послѣднее дѣяніе Вишневецкаго; «..... честолюбіе по-

«влекло его въ Молдавію и ускорило преждевременную «смерть. Призванный Боярами для владычествованія «надъ ними , вмѣсто достойнаго Господаря Стефана IX, «Вишневецкій стремился за словою въ сопровожденіи «малой дружины , и былъ жертвою обмана: не почести; «но оковы ожидали его. Стефанъ послалъ Димитрія въ «Константинополь, гдѣ Султанъ лишилъ его жизни му- «чительскимъ образомъ: онъ былъ сброшенъ съ высо- «каго жилья на разставленные внизу колья, защѣпился «ребромъ и висѣлъ трое сутокъ, испуская жалостные «вопли. Во все сіе время страдалецъ славилъ Бога, про- «клиная Магомета. Одинъ Турокъ не могъ удержать своего изступленія , и пронзилъ его стрѣлою.» Част. 1. стр. 130. Энгель стр. 38; Нѣсецкій т. IV , стр. 545.

Неужели Малороссіянѣ не воспѣваютъ въ своихъ ду-
махъ этого славнаго рыцаря? Напротивъ можно утвер-
дительно сказать, что думы объ немъ и по сю пору суще-
ствуютъ; вся трудность въ узнаніи истины заключает-
ся въ томъ, что вообще наши предки всѣхъ своихъ
предводителей обыкновенно переименовывали по свое-
му , давая имъ имена , свойственные ихъ характеру или
качествамъ. Такъ Гетьманъ Подкова – извѣстенъ въ ду-
махъ подъ названиемъ Серпляги; Шахъ – называется Жахъ
(ужась); Полковникъ Адамовичъ – Костырь , Лѣсниц-
кій – Волочай и пр. Послѣ этого неудивительно бу-
детъ , если Вишневецкій изъ Польской фамиліи , пе-
реименованъ ими въ Байду (безпечный; – бай , пове-
лит. наклон. глагола : баюкать, убаюкивать, дуже весь-
ма, отсюда парѣч. байдуже – пѣть надобности, ничего).

Въ сей думѣ говорится, что Байда застрѣлилъ Сул-
тана Турскаго; хотя это и вымыселъ , однако довольно-

но вѣрно сообразуется съ историческими свидѣтельствами: Вишнисвѣцкій казненъ мучительски въ Константинополѣ въ 1564 году; Солиманъ II, тогдашній Турецкій Императоръ, умеръ чрезъ два года послѣ этого происшествія, во время Венгерскаго похода; вѣроятно не ранѣе двухъ лѣтъ пришла въ южную Россію вѣсть о смерти того и другаго, и это могло подать поvodъ сослуживцамъ Байды сочинить въ честь его богатырскую думу, въ которой и Солиману порядкомъ досталось. Дума сія имѣетъ прекрасный мужественный голосъ и была встарину въ числѣ войсковыхъ, или военныхъ пѣсней.

1.

Ой у Кыевъ, да на рыночку,
Тамъ пѣсть Байда да горѣмочку,
Ой пье-же вѣнь да подпивае:
Да на Турецкого Царя похвалле.

Ой кликнувъ Царь на свои гайдуки:
«Да вѣзьмите Байду въ добрыи руки,
Да возьмите Байду да съвяжите,
Да на гакъ ребромъ почепите!»

Да высить Байда, не день, не два,
Не двѣ ноченьки, не двѣ годиночки:
«Ой ты джуро молоденький (*)!
Шо на тобѣ жупанъ голубенький:
«Подай мнѣ лучокъ и стрѣлочкъ пучокъ,
Да забачивъ я трехъ голубочокъ.»

(*) Говорить Байда Турецкому служителю.

Якъ ударить Царя
 Да посередъ чела,
 А Царицю у потылицю,
 А Царевнѣчку у головочку:

«Отъ-се тебѣ Царю ,
 Да за твою кару!
 Шо ты не умѣвъ Байды якъ покарати ,
 Було-бѣ тебѣ, Царю , — Байду покарати ,
 Було-бѣ тебѣ Байдѣ съ плечъ голову сѣтати :
 Да на Козацькую славу отдати!.... (*)

Прим. Гакъ, крюкъ, (Шѣм. Накен.); година — часъ; оттлти (Сл.) отрубить.

(*) При чтеніи Малор. писецъ должно выговаривать букву ъ за-ли; г, какъ въ Славяно-Церковномъ нашемъ языкѣ за г (Лат. h); с, въ начальѣ согласной буквы, большею частію какъ зъ, если надъ гласною буквою поставленъ знакъ ^ то ее должно произносить какъ и; предлогъ отъ, какъ одъ; впрочемъ есть на это изключенія.

САМОЙЛО КИШКА.

==

Вотъ новый герой позабытый (несуществовавшего) исторію Запорожья. Наши лѣтописи ничего не говорятъ объ немъ; какъ обыкновенно о многихъ Кошевыхъ Запорожскихъ. Быть можетъ, подъ именемъ Кишки скрывается какой нибудь известный вождь Запорожцевъ. Но это одна догадка. До рѣшенія этой задачи, мы должны радоваться, что можемъ по крайней мѣрѣ определить время сему происшествію, — благодаря исторіи Руссовъ Конисскаго. Въ этой думѣ упоминается о Гетьманѣ Скалозубѣ (Семенѣ), сторожившемъ на островѣ Тендрѣ, у Днѣпровскаго Лимана. Вотъ что пишетъ Конисский объ немъ:

«Демьянъ Скалозубъ, избранный Гетманомъ изъ Полковниковъ въ 1588 году, донесъ Королю о непріязненныхъ действіяхъ Крымцевъ, которые захватили въ «плѣнъ около мѣстечекъ Опошни и Котельвы иъ сколько «ко сотѣ человѣкъ; получивъ отъ Короля позволеніе, «не открывая явной войны, действовать искусствыемъ «образомъ противъ невѣрныхъ, велѣлъ Кошевому За- «порожскому, Нечаю, умножить лодки, прибыль самъ «въ Сѣчь съ коннымъ войскомъ, смѣнилъ тутъ три пол- «ка Козацкіе, отправилъ ихъ въ море съ значительнымъ «числомъ Запорожцевъ. Войско сіе ввѣreno Гетманомъ

«Писарю Войсковому , Ивану Богуславцу , и Полковнику Карпу Перебиносу : они должны были , пройдя Ли-
 «маномъ къ приморскимъ Крымскимъ городамъ , запе-
 «реть ихъ гавани , осматривать выходящія изъ оныхъ
 «суда , отбирать Россійскихъ плѣнниковъ . Въ сльдъ за
 «сімъ Скалезубъ , приказавъ Генеральному Обозному
 «Якову Сурмилу трсвожить съ остальнымъ Козацкимъ
 «войскомъ Крымцевъ на сухомъ пути , чтобы они от-
 «правляли плѣнниковъ въ приморскіе города , пустил-
 «ся самъ въ море въ заливъ Керчинскій , но при входѣ
 «въ оный окружено быть иѣсколькими военными Ту-
 «рецкими судами , вступилъ съ ними въ бой , взять въ
 «плѣнъ , отвезенъ въ Царьградъ , и тамъ умеренъ голо-
 «домъ . Писарь Богуславецъ , захваченный Турками при
 «Козловѣ , вырученъ послѣ Запорожцами помощію Се-
 «миры , жены Паши Турецкаго , которая выѣхала вмѣ-
 «стъ съ нимъ въ Малороссію . Прочія войска Козацкія
 «съ Обознымъ Сурмиломъ и съ Полковникомъ Переби-
 «носомъ возвратились также въ свою землю .» Ист . М.
 Р. т. 1. стр. 152 и 153.

И такъ Скалезубъ , до взятія своего въ плѣнъ , или до 1589 года , могъ въ числѣ Русскихъ плѣнниковъ , быв-
 шихъ у Мусульманъ , споспѣшствовать и освобожде-
 нию Кошеваго Кишкі , томившагося въ рабствѣ съ 1534
 года . Впрочемъ Скалезубъ , какъ увидимъ изъ думы ,
 весьма небольшое недоразумѣніе у Конисскаго : Скалезубъ
 названъ Демьяномъ , а въ нашей эпопеѣ Семеномъ . Впро-
 чемъ это могла быть ошибка , съ которой нибудь сто-
 роны . Рѣшительно могу сказать , что сія дума по ко-
 личеству стиховъ своихъ , подробностямъ и истинно Го-

мерическимъ описаніямъ, превосходить въ своемъ родѣ всѣ донынѣ намъ известныя въ южной Россіи думы. Она списана въ Полтавской губерніи точь въ точь со словъ бандуриста-слѣпца.

2.

Ой изъ города изъ Трапезондта выступала галера,
Тремя цвѣтами процвѣтана, малёвана.
Ой первымъ цвѣтомъ процвѣтана —
Злато-синими кудяками побивана;
А другимъ цвѣтомъ процвѣтана —
Гарматами арештована;
Третьимъ цвѣтомъ процвѣтана —
Турецкою бѣлою габою покровѣна.

10. То въ той галерѣ Алканъ Паша,
Трапезондское Княжи гуляе;
Маеть собѣ избранного люду:
Кишка Самойло, Гетьманъ Запорожскій,
Другій, Марко Рудый, Судья войсковий,
Третій, Менсій Грачъ, войсковий Трембачъ,
Четвертий; Ляхъ Бутурлакъ, клюшникъ галерскій,
Сотникъ Переяславскій,
Недовѣрокъ Христіянскій!
20. Що бувъ тридцать лѣтъ у неволї,
Двадцать штыре якъ ставъ по волї,
Потурчився, побусурманився,

(*) 350 человѣкъ.

Для Панства великого ,
Для лакомства несчастного !.....

Въ той галерѣ отъ пристани далеко отпускали ,
Чорнымъ моремъ далеко гуляли ;

Противъ Кефи города ,
Тамъ собѣ великий да довгій опочинокъ мали .

То представится Алканъ Пашатъ ,

30. Трапезондскому княжать , молодому панятъ ,
Сонъ дивенъ ; барзо дивенъ на причудъ.....
То Алканъ Паша , Трапезондское Княжя ,
На Туркѣвъ , Янычаръ , на бѣдныхъ невольниковъ по-
кликае :

«Турки , каже , Турки , Янычаре ,
И вы бѣдныи невольники !

Который бы могъ Турчинъ , Янычаръ , сей сонъ отга-
дати ,

Могъ бы ему три грады Турецкіе даровати ,
А который бы могъ бѣдный невольникъ отгадати ,
Могъ бы ему листы — вызволены писати ,

40. Щобъ не могъ нигде никто зацепати !»

Сее Турки зачували , ничего не сказали ;

Бѣдныи невольники хочь добре знали , собѣ промовчали .

Только обозветься межъ Туркѣвъ

Лахъ Бутурлакъ , ключникъ галерскій ,

Сотникъ Переяславскій ,

Недовѣрокъ Христіянскій :

«Якъ-же , каже , Алкане Пашо , твой сонъ отгадати ,
Что ты не можешь намъ повѣдати ?»

«Такій минѣ , небожита , сонъ приснился ,

50. Бо-дай николи не явився :

Видится моя галера цвѣткована , малёвана ,

Стала вся обѣрана , на пожарѣ спускана ;

Видится мои Турки , Янычары ,

Стали вси въ пень порубаны ;

А видится мои бѣдны невольники,
 Которыи були у неволѣ,
 То вси стали по волѣ;
 Видится мене Гетьманъ Кишка,
 На три части розтявъ,

60. У Чорное море пометавъ....»

То скоро тое Ляхъ Бутурлакъ зачувавъ,
 Къ нему словами промовлявъ:
 «Алканъ Пашб, Трапезондскій Княжату,
 Молодый Паняту, —
 Сей тобъ сонъ не буде, ни мало зацепати,
 Скажи минъ получче бѣдного невольника доглядати,
 Съ ряду до ряду сажати,
 По два, по три старыи кайданы и новыи исправляти,
 На руки, на ноги надѣвати, съ ряду до ряду сажати,
 Червоною таволгою, по два дубца брати,

70. По шіахъ затынати, кровь Христіянськую на землю проливати.»

Скоро то сее зачували:

Отъ пристани галеру далеко отпускали,
 Тогдѣ бѣдныхъ невольниковъ до опачинъ руками пріймали,

Щироглыбокой, морськои воды доставали;

Скоро то сее зачували,

Отъ пристани галеру далеко отпускали:

До города Козлова,

До дѣвки Санджаковны, на залѣты чоспѣшили.

То до города Козлова пробували,

Дѣвка Санджаковна, на встрѣчу выхожае,

Алканы Пашу въ городъ Козлѣвъ,

Со всѣмъ вѣйскомъ затягала,

80. Алканы за бѣлу руку брала,

У свѣтици, камяници вызывала,

За бѣлу скамью сажала,

Дорогими напитками наповала.
 А войсько середъ рынку сажала.
 То Алканъ Паша, Трапезондское Княжя ,
 Не барзо дороги напитки вживае ,
 Якъ до галеры двухъ Турчиновъ на подслуши посылае:
 Щобъ не могляше Бутурлакъ, Кишку Самойла отмыкати,
 У поручь себе сажати.

90. То скоро ся тыи два Турчина
 До галеры пробували.....
 То Кишко Самойло , Гетьманъ Запорожскій ,
 Словами промовилле:
 «Ай Ляше Бутурлаче, брате старесенький !
 Колись и ты бувъ въ такій неволѣ ,
 Якъ мы теперя ,
 Добро намъ вчини ,
 Хочъ нась старшину отомкны ;
 Хай бы и мы у городѣ побували ,
 Паньске весёлье добре знали»,
 Каже , Ляхъ Бутурлакъ :
 «Ой Кишко Самойлу, Гетьмане Запорожскій ,
 Батьку Козацькій ! Добро ты вчини :
 100. Въру Християнську, подъ нозъ подтопчи ,
 Хрестъ на собѣ поломни .
 Аще будешъ въру Христіянску подъ нозъ топтати ,
 Будешъ у нашего пана молодого ,
 За родного брата пробувати .»
 То скоро Кишка Самойло зачувавъ :
 «Ой Ляше Бутурлаче, недовѣрку Христіянський !
 Бодайже ты того не дождавъ ,
 Щобъ я въру Христіянску подъ нозъ топтавъ !
 Хочъ буду до смерти бѣду да неволю пріймати ,
 А буду въземлѣ Козацькій, голову Христіянску покладати ;
 Ваша вѣра погана ,
 Земля проклята .

110. Скоро Ляхъ Бутурлакъ тое зачувае :

Кишку Самойла у щоку затынае.
 «Ой, каже, Кишко Самойлу, Гетьмане Запорожскій,
 Будешъ ты мене въ вѣрѣ Христіянськои укоряти,
 Буду тебе паче всѣхъ невольниковъ дogleядати ,
 Старыи и новыи кайданы направляти , —
 Ланцюгами за поперекъ втрое буду брати.»

То ты два Турчина , тое зачували ,
 До Алканы Пашы пробували :

120. «Алканъ Пашб , Трапезондское Княжя ! безпечно гуляй :

Доброго и вѣрного ключника маешь ,
 Кишку Самойла въ щоку затынае
 Въ Турецьку вѣру ввертае.»

То Алканъ Паша, Трапезондское Княжя, великую радость
 мало :

Пополамъ дорогіи напитки раздѣляло ,
 Половину на галеру отсыпало ,
 Половину съ дѣвкою Санджаковною уживало .

Ставъ Алканъ Паша дорогіи напитки пiti , подпивати ,
 Стали умыслы , Козацьку голову , ключника розбивати :

130. «Господи есть у мене, що испити и исходити ,

Только ни съ кѣмъ обѣ вѣрѣ Христіянській розговорити.»

До Кишки Самойла пробувае :

По ручь себе сажає ,
 Дорогого напитка метає ,
 По два, по три кубка въ руки наливає .

То Самойло Кишка, по два, по три кубка въ руки бравъ ,
 То у рукава , то у пазуху , сквозь третю хусту до долу
 пускавъ .

Ляхъ Бутурлакъ по единому выпивавъ :

То такъ напився ,
 Що съ ногъ съвалився .

140. То Кишка Самойло да угадавъ :

Ляха Бутурлака до ложку вмѣсто дитяти спати клавъ .

Самъ восемдесять четыри ключи съпôдъ головъ выймавъ,
 На пяти человѣкъ по ключу дававъ :
 «Козаки Панове, добрѣ майте ,
 Одинъ другого отмыкайте ,
 Кайданы изъ ногъ, изъ рукъ некидайте,
 Полуночной годины ожидайте.»

Тогда козаки, одинъ другого отмыкали ,

150. Кайданы изъ рукъ и изъ ногъ некидали ;

Полуночной годины ожидали ,

А Кишко Самойло чогось догадавъ ,

За бѣдного невольника ланцюгами втрое себе принялъ :

Полуночной годины ожидали .

Стала полуночная година наступати ,

Ставъ Алканъ Паша съ войскомъ до галеры пробувати ;

То до галеры пробувавъ, словами промовлявъ :

«Вы Турки, Янычаре, по маленьку ячите ,

Моего вѣрного ключника не сбудите :

160. Самы же добрѣ, по межъ рядами прохожайте ,

Всякого чёловѣка осмотряйте , —

Бо теперь вонъ подгулявъ ,

Щобы кому пыльги недавъ.»

То Турки, Янычаре свѣчи у руки брали ,

По межъ рядовъ прохожали ,

Всякого чёловѣка осмотряли ;

Богъ помогъ за замокъ руками не пріимали :

«Алканъ Пашо, безопасно почивай ,

Доброго и вѣрного ключника маешь ,

170. Вонъ бѣдного невольника съ ряду, до ряду посадавъ ,

По три, по два старыи кайданы и новыи посправлявъ ;

А Кишку Самойла, ланцюгами у трое принялъ.»

Тогда Турки, Янычаре у галеру вхожали

Безопасно спати полягали ,

А которыи хмельны бували, на сонъ сънемогали —

Коло пристани Козловской спати полягали....

Тогдѣ Кишка Самойло полуночной годины дождавъ:

Самъ межъ Козаковъ уставъ
Кайданы изъ рукъ и изъ ногъ у Чорное море поро-
ниавъ;

180. У галеру вхожае, Козаковъ побужавъ, —
Сабли булатныи на выбѣръ выбирае,
До Козаковъ промовляде:

«Вы Панове молодци ! кайданами не стучите ,
Ясины не вчините ,
Ни которого Турчина въ галеръ не сбудите.....»
То Козаки добре зачували :
Сами съ себе кайданы скидали ,
У Чорное морѣ кидали ,
Ни одного Турчина не сбутили.

Тогдѣ Кишка Самойло до Козаковъ промовлясъ:
«Вы Козаки молодци ! добре , братіс , майте ,
Отъ города Козлова забѣгайте :

190. Турокъ, Янычаръ въ пень рубайте ,
Которыхъ живцемъ у Чорное море бросайтє.....»
Тогда Козаки отъ города Козлова забѣли :
Турокъ, Янычаръ въ пень рубали ,
Которыхъ живыхъ въ Чорное море бросали .
А Кишка Самойло Алканы Пашу изъ ложка взявъ ,
На три части розтявъ, у Чорное море побросавъ.
До Козаковъ промовлявъ :

«Панове молодци ! добре дбайте ,
Всѣхъ у Чорное море бросайтє ,
Только Ляха Бутурлака не рубайте :
Между войскомъ для порядку ,

200. За ярызу войскового — зоставляйтє !»

Тогдѣ Козаки добре мали :
Всѣхъ Туркѣвъ у Чорное море помѣтали ;
Только Ляха Бутурлака не сърубали ,
Между войскомъ для порядку ,

За ярызу вѣйскового зоставляли.
Тогда галеру отъ пристани отпускали,
Сами Чорнымъ моремъ далеко гуляли....

Да ще у недѣлю барзо рано, по раненьку,
Не сива зузулл заковала:
Якъ дѣвка Санджаковна коло пристани похожала,
Да бѣлы руки ломала, словами промовляла:

210. «Алканъ Пашб, Трапезондское Княжату,
На що ты на мене, такое великое пересердіе маешъ;
Що отъ мене сегодня барзо рано выѣзжаешъ;
Когда бы була отъ отця и матуси,
Сорома и наруги принялла —
Съ тобою хочь едину ночь переночевала....»
Скоро ся тое промовляли: галеру отъ пристани отпу-
скали,

Сами Чорнымъ моремъ далеко гуляли.
А ще у Недѣлоньку у полуденнюю годину,
Ляхъ Бутурлакъ отъ сна пробуждае:
220. По галерѣ поглядае, що ни единого Турчина у галерѣ
не має.
Тогда Ляха Бутурлакъ изъ ложка вставае
До Кишки Самойла прибувае, у ноги впадае:
«Ой Кишко Самойлу, Гетьмане Запорожській, батьку
Козацькій !

- Не будь же ты на мене,
Якъ я бувъ на останцѣ вѣка моего на тебе,
Богъ тобѣ да помогъ непріятеля побѣдити;
Да не умѣтъимешъ у землю Христіянскую входити;
Добро ты учини: половину Козаковъ у оковы до опа-
чинъ посади,
А половину у Турское дорогое платье наряди;
230. Бо ще будемо отъ города Козлова
До города Цареграда гуляти,

Будуть изъ города Цареграда двѣнадцать галеръ вы-
бѣгати,

Будуть Алкана Пашу съ дѣвкою Санджаковною
По залѣтахъ поздравляти:

То якъ будешъ отвѣтъ отдавати?...»

Якъ Ляхъ Бутурлакъ научивъ,
Такъ Кишка Самойло, Гетьманъ Запорожській, учинивъ:

Половину Козаковъ до опачинъ у оковы посадивъ,

А половину у Турецкое дорогое платье нарядивъ.

Стали отъ города Козлова, до города Цареграда гу-
ляти,

Стали изъ Цареграда двѣнадцать галеръ выбѣгати
И галеру изъ гарматы торкати, —

Стали Алкана Пашу съ дѣвкою Санджаковною
По залѣтахъ поздравляти.

То Ляхъ Бутурлакъ чегось догадавъ:

Самъ на чердакъ выступавъ,

Турецкимъ бѣленькимъ завиваломъ махавъ:

Разъ то моввитъ по Гречьки,

У друге по Гречьки,

Каже: «вы Турки, Янычаре, помаленьку, братія, ячите
Отъ галеры отверните:

Бо теперя вѣнъ подгулявъ, на упокоѣ почивае,

На похмѣлье сънемогае,

До вѣсъ не встане, головы не съведе.

Казавъ: якъ буду назадъ гуляти,

То не буду вашей милости и повѣкъ забувати.»

Тогда Турки, Янычаре, отъ галеры отвертали,

До города Цареграда уѣгали:

Изъ двѣнадцати штукъ гарматъ гремали, —

Яссу воздавали,

Тогдѣ козаки собѣ добре дѣбали:

Семь штукъ арматъ собѣ арестовали, —

Яссу воздавали,

На Лиманъ рѣку испадали,
 Къ Днѣпру славуть и низенько уклоняли:
 «Хвалимъ тя Господи и благодаримъ!
 Були пятьдесят штыре годы у неволѣ
 А теперя хочь не дастъ намъ Богъ на часъ поволѣ!»

А у Тендровѣ островѣ Семенъ Скалоубъ
 Съ вѣйскомъ на заставѣ стоявъ,
 Да на тую галеру поглядавъ,
 До Козаковъ словами промовлявъ:

270. Козаки, Панове молодци! Що сія галера чи блудить,
 Чи свѣтомъ нудить,
 Чи много люду Царського має,
 Чи за великою добичью гоняє?
 То вы добре майте:
 По двѣ штукъ гарматъ набирайте;
 Тую галеру изъ Грознои гарматы привѣтайте,—
 Гостинця ій дайте!
 Если Турки, Янычаре, то у пень рубайте,
 Если бѣдныи невольники, то помочи дайте..»
 Тогдâ Козаки промовляли:

280. «Семене Скалоубе, Гетьмане Запорожській ,
 Батьку Козацькій!

Де-сь ты самъ боисься
 И нась Козаковъ страшишься:
 Есть сія галера, не блудить ,
 Ни свѣтомъ нудить ,
 Ни много люду Царського має,
 Ни за великою добычью гоняє:
 Се можетъ є давній , бѣдный невольникъ ,
 Изъ неволи утекае....»

- «Вы вѣры не доймате ,
 290. Хочь по двѣ гарматы набирайте:
 Тую галсру изъ Грознои гарматы привѣтайте,

Гостинця ій дайте!

Якъ Турки, Янычаре, то у пень рубайте,
Если бѣдный невольникъ, то помочи дайте.»
Тогдѣ козаки якъ дѣти не гораздъ починали,
По двѣ штуки гарматъ набирали:
Тую галеру изъ Грозной гарматы привѣтали,
Три доски у суднѣ выбивали,
Воды Днѣпровской напускали....

300. Тогдѣ Кишка Самойло, Гетьманъ Запорожскій,
Чегось отгадавъ; самъ на чердакъ выступавъ;
Червонныи, хрещатыи, давніи Корогвы изъ кишсни
вынимавъ
Роспустивъ....
До воды похиливъ....
Самъ низенько уклонивъ (*):
«Козаки, Панове молодци! сія галера не блудить,

(*) Здѣсь видно все величие души и истинно рыцарскій духъ древнихъ Малороссіянъ: попавшись въ пленъ Туркамъ, предводитель ихъ успѣлъ однако спасти отъ поруганія Корогвы или знамена, вѣроятно сорвавъ ихъ съ древка и, какъ видно, Гетманъ Кишка носилъ тайно отъ своихъ поработителей подъ платьемъ — сіи священные залоги славы и свободы; и эти самые хоругви послѣ пятидесяти четырехъ лѣтняго невольничества, онъ имѣлъ удовольствіе — снова «распустить» въ виду своихъ соотечественниковъ! Какой великой сюжетъ для живописца: сторожевые Козаки, на островѣ Тендрѣ, заливомъ изъ пушекъ по неизвѣстно потопили галеру, на которой находились ихъ несчастные собратья. Она погружается уже ко дну.... Столѣтній старецъ Кишка въ дрожащихъ рукахъ держитъ Русскіе «Корогви» они уже достаютъ воды Днѣпровской, старецъ самъ наклонился и готовъ, кажется, погрузиться въ пучину.... Но онъ еще привѣтствуетъ своихъ соотечественниковъ и какъ бы взорами говорить имъ: «видите ли, ваши знамена невредимо уѣхали отъ святотатныхъ рукъ Мусульманъ... честь спасена...» Что думалъ злополучный Кишка, когда переплылъ море, увидѣль конецъ своей жизни на берегу Днѣпра?...

Малороссіяне во время борьбы за свободу съ Поляками имѣли красные хоругви съ изображеніемъ на нихъ креста. (См. Народныя Малор. думы, издан. Г. Срезневскимъ въ Запорожской старинѣ).

Ни свѣтомъ нудить,
Ни много люду Царьского мае,
Ни за великою добычью гоняе:

310. Се есть давній, бѣдный невольникъ —
Кишка Самойло изъ неволи утекае;
Були пятьдесятъ чотыре годы у неволѣ.
Теперь чи не дастъ Богъ, хоть на часъ поволѣ ...»
Тогдѣ Козаки у қаюки скакали,
Тую галеру за малёваны облавки брали,
Да на пристань стягали,
Отъ дуба до дуба,
На Семена Скалозуба, паёвали;
Тую галеру на пристань стягали.
320. Тогдѣ: златосиніц киняки — на Козаки,
Златоглавы — на Отаманы,
Турецкую бѣлую габу. — на Козаки на бѣлки.
А галеру на пожаръ спускали.
А сребро, злато на три части паювали:
Первую часть брали на церкви накладали:
На святого Межигорского Спаса,
На Терехтемировській монастырь,
На святую Свчовую Покровъ-давали:
Которы давнимъ Козацкимъ скарбомъ будовали,
330. Щобъ за ихъ вставаючи и лягаючи,
Милосердого Бога благали;
А другую часть по межъ собою паювали;
А третью часть брали:
Очертами сѣдали,
Пили да гулли,
Изъ семипядныхъ пищалей гремали;
Кишку Самойла по волѣ поздравляли:
«Здоровъ, кажуть, здоровъ Кишко Самойлу,
Гетьмане Запорожській! не загинувъ еси у неволѣ,
340. Не загинеши съ нами Козаками по волѣ!...»

Правда, Панове, полегла Кишки Самойла голова,
Въ Киевъ-Каневъ монастыръ...

Слава не умре, не поляже :
Буде слава славна —
По межъ Козаками ,
По межъ друзьями ,
По межъ Рыцарями ,
По межъ добрыми молодцями .

Утверди Боже : люду Царьского ,
Народу Христіянського ,
Войска Запорожського , Донського ,
Съ сією Чернию Днѣпровою ,
Низовою :
На многія лѣта ,
До конца вѣка .

М О Р О З Е Н К О.

=

Это также неизвестное лицо въ исторіи Малороссіи, изъ думы о Гетьманѣ Свирговскомъ, помѣщенной въ Запорожской старинѣ и собраніи Укр. пѣсень Г. Максимовича, видно, что онъ былъ сподвижникъ сего Гетьмана. Слѣдовательно жилъ около 1574 года.. Здѣсь описывается мученическая его кончина у Татаръ.

3.

Ой ты Морозе, Морозенку, ой ты славный козаче ,
За тобою Морозенку, вся Украина плаче ;

Да не такъ тая Украина, ой якъ гордоѣ войско.
Заплакала Морозиха у недѣлю идучи на мѣсто :
Не плачь, не плачь, Морозихо, о сырѣ землю не бійся ,
Ходимо съ ними козаками , да меду, вина на пійся :
«Чѣмусь минѣ милое братье, да медъ, вино не пьется ,
За мою границею Швединъ съ Ляхомъ бѣтесь.....
«Нехай бѣтесь, рубается, вонъ у тому кохается!»

Ой изъ-за горы, за крутои, гордоѣ войско выступае ,
Попереду Морозенко, сивымъ коїнемъ грае.

Ой прихимишь головоньку, къ сивому коню до гривоныки,
Ой розпустишь чорны кудры, къ сивому коню до копыта.

«Иди, иди , сивый коню, тихою тупою ,
Съострѣнимся съ ордою, за бистрою рѣкою.»

По тымъ боцъ Запорожьци покопали шанци:
 Ой поймали Морозенка у недѣлю у ранцѣ,
 Посадили Морозенка на дубовѣй лавцѣ,
 Ой сняли съ Морозенка кармазинъ, сапьянци,
 Посадили Морозенка да на бѣломъ ряденцѣ,
 Да выйняли изъ Морозенка кровавое сердце.
 Выкопали Морозенку глубокую долину, (*)
 Высыпали Морозенку высоку могилу:
 «Дивись, дивись, Морозенку! да на свою Украину!»
 «Чему-сь минѣ, міле братье, да Украина не мила.....
 Только милый, минѣ, братье — мой конь вороный.
 Осѣдлайте коня моего, повяжите козацкую збрую:
 Нехай бѣжитъ въ Украину до моего дому.»

Прим. *Мѣсто* — городокъ, мѣстечко, торговалъ площадь; *дивитися* — смотрѣть; *козацкал збрул* — вообще оружіе.

(*) Козаки его товарищи.

СЕЗНА.

Это вѣроятно одинъ изъ сановниковъ войска Гетьмана Хмельницкаго. Дума сія весьма хорошо показываетъ нравы тогдашняго времени. Хмельницкій по своему обыкновенію выступая въ походъ, скрываетъ отъ подчиненныхъ, куда должны обратиться его побѣдоносные перуны. Войско настаиваетъ у Гетмана, что оно должно «робить» не получивъ удовлетворительного отвѣта, напослѣдокъ объявляетъ, что «знаеть артикулы» или воинскіе уставы — и вскорѣ исторгаетъ у своего предводителя настоящее намѣреніе, цѣль похода: «бити Орду.» Вѣроятно этотъ походъ былъ весьма незначительный или простой «герець.» Исторія обѣ немъ не упоминаетъ.

4.

«Хмельницкій, Гетьмане, батьку Отомане,
А що подумаешь обѣ нась ты батьку?.....»

«Ой хлопци, хлопци Гетьманци наши,

Да що будемъ робити,
Що мы починимо?..»

«Да Отомане батьку, мы знаемъ артикулы,
Да порадь же нась батьку
Що будемъ робити.....

Чи будемо въ станѣ кашу варити?.....»
 «Да косить хлопци очереть,

Варите вечерять.....» (*)

«Отомане батьку, що будемъ робити?.....»

«Орду будемъ бити;
 Свдайте хлопци на кони, берите узды добры,

Бѣжите по лугу, топчите вы травицю,

Травиця низенька, полягла низенько:

Топчите вы Турка, низенько, близенько,
 Топчите вы хлопци?.....

Хвалится вы, хлопци, хто якъ охвалився?»

«Нихто нежурився; Отомане батьку!

Только одинъ хлопецъ плаче

На коня не сяде.....»

«Хлопци бо молодыи: посадить на коня,

Приставьте до мене,

Нехай подивлюся

Въ очи, распрошуся!.....»

«Ой Отомане батьку, Сезна не говорить

Благовѣрную творять.....»

«Козаки бо любезны! прошу милость вашу:

Сховайте гарненъко —

— На степъ, при дорозъ,

Прибитому шляху, на широкій дорозъ.....

(*) Это вторичный отзыв Хмельницкаго, изъяснявшагося весьма темно.

ПЕРЕБИНОСЬ.

==

Это Максимъ Кривоносъ, одинъ изъ первыхъ сподвижниковъ Хмельницкаго, въ началѣ возстанія южной Россіи противъ Польши, онъ прославился взятіемъ Полоннаго и Бара, но будучи разбитый подъ Пилявою, былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ. Однако въ продолженіе одного года (1648) своихъ дѣйствій, опять перерубилъ болѣе пятидесяти тысячъ Поляковъ и Жидовъ. (Ист. М. Р. часть I. стр. 249.)

5.

Ой недали Перебиносу
Да вечеряти сѣсти,
Ой пришли Перебиносу — не мудрыи вѣсти:
«Стережися, Перебиносу,
Тыєи чорнои гати,
Ой иде Ляховъ сорокъ тысячъ
Хотять тебе взяти.»
Ой крикнѣ панъ Перебинось
На хлопця малого:
«Обѣгай хлопче, обѣгай малый,
Отъ хаты до хаты,
Ой дай же ты малый,
Всѣмъ козаченькамъ знати.»
Ой крикнувъ папъ Перебинось

На хлопця малого:
 «Осьдлай хлопче, осьдлай малый,
 Коня вороного,
 А собѣ хлопче, а собѣ малый,
 Хочь полового!»

Ой не дали да Перебиносу
 На кониченька спаси;
 Якъ узявъ Ляховъ, якъ узявъ Пановъ,
 Якъ снопиковъ класти;

Ой не дали да Перебиносу
 На кониченька сѣсти,
 Якъ узявъ Ляховъ, якъ узявъ Пановъ,
 На капусту сѣкти;

Ой гляне панъ Перебинось
 На лѣвую руку:
 Да не выскочитъ его конь вороный
 Изъ Лятьского трупу,

Ой гляне панъ Перебинось
 На правее плече;
 Ажъ изъ Ляховъ, ажъ изъ Пановъ,
 Кровавая рѣчка тече.

НЕЧАЙ.

=

Полковникъ Брацлавскаго полка , бывшаго въ нынѣшней Подольской губерніи , зять Богдана Хмельницкаго ; одинъ изъ извѣстившихъ героевъ Малороссіи ; онъ убитъ въ сраженіи подъ Краснымъ . Прилагаемая здѣсь обѣ немъ дума къ сожалѣнію не полная .

6.

Ой Нечаенку , да козаченьку ,
Не пій воды гладко ,
Ой Нечаенку , да козаченьку ,
Да роби ты порядкомъ .
Ой Печаенко да козаченько ,
На коника сѣда :
Да прощается съ козаками ,
Якъ съ родными братами :
« Да прощайте мене , милы братья ,
Хвалить Бога за ласки ,
Шо заслуживъ у Государя ,
Нечестивый ласки !
• • • • •
Да думас , гадае ,
Шо на свѣтѣ робити :
« Ой якъ минъ Украину на свѣтѣ держати ?..... »

«Да чѣмъ бо будемъ — Государю милостивому,
Чѣмъ бо похвалитися?»

«Похвалимся, добры хлопци, — своимъ войскомъ Козацкимъ,
Украина наша.....»

ТЕТЕРЯ.

Павель Тетеря, бывъ Полковникъ Переяславскій, въ послѣдствіи Гетьманъ лѣвой стороны Днѣпра. Онъ держалъ сторону Короля Польскаго. Народъ, какъ видно изъ приложеннаго отрывка думы, не любилъ его. Къ сожалѣнію, эта дума, бывшая изъ словъ бандуриста весьма большимъ стихотвореніемъ, имъ не изучена. Быть можетъ, со временемъ она отыщется; вотъ ее только начало:

7.

За Хмельницкаго Юрія, пуста стала Украина съвелася,

А за Павла Тетеренка:

Который человѣкъ, утратившися давно, не поправится и теперенька.....

Прим. *устрашиться* — погубить себя; спятиться съ ума.

ИВАСЬ КОНОВЧЕНКО.

Сія дума извѣстна уже изъ собраній: Князя Цертелева и Г. Максимовича, по въ обоихъ довольно не полна и кратка. Нынѣшній ея списокъ есть одного бандуриста, который воспѣлъ и Самойла Кишку. Она относится къ концу XVII вѣка; Корсунскій Полковникъ Филопенко, по мнѣнію Г. Максимовича, могъ быть, сынъ Полковника Филона Чичая. Во время Хмельницкаго, Киевская и Подольская губерніи, составляли нераздѣльную часть Малороссіи, но по милости Польской аристократіи и шляхты, тамъ въ разное время мало по малу, всѣ Русскіе благородные роды были вытѣснены или истреблены, между пародомъ Унії введена насильно (*); а Козаки и Посполитые, всѣ обращены ими, въ крѣпостное состояніе; желательно, чтобы, кто либо изъ нашихъ соотечественниковъ описалъ этотъ злополучный для южной Руси періодъ.

8.

Ой па славный Украинъ, кликне, покликне
Филопенко, Корсунскій Полковникъ,

(*) По присоединеніи сего края къ Россіи, пародъ вновь принялъ Православіе.

На долину Черкень гуляти,
Славы вѣйску рыцарства достати,
За вѣру Христіянськую одностойно стати:
«Которые козаки, то и мужики,
Не хотять по ролѣ спотикати,
За плугомъ спины ломати,
Жовтого сафьяна каляти,

10. Чорного едемана пыломъ набивати:

Славы бы вѣйску рыцарства достали,
За вѣру Христіянськую одностойно стали!».

То Эсаулы у города ся засылали,

По улицамъ пробѣгали,

На винники, на лазники, словами промолвляли:
«Вы грубники, вы лазники,
Вы броварники, вы винники:
Годъ, вамъ у винницахъ горѣлокъ курити,

По броварняхъ пивъ варити,

По лазняхъ лазень топити,

По грубамъ валятися, —

Товстымъ видомъ мухъ годовати,

Сажи вытерати;

Ходите за ними на долину Черкень погуляти!»
Скоро то до города Черкасъ, у Божій часъ пробували.
То правда Панове, була въ городѣ Черкасъ вдова,

Вона по мужу Грициха,

По прозванию Коновчика:

Мала собѣ сына Ивася

30. Удовиченка, Коновченка,

Изъ малыхъ лѣтъ годовала, лелѣяла,

До сѣросту въ наймы не пускала,

При старости лѣтъ славы да памяти прожити сподѣвала.

То Ивась Коповченко по базару похожае,

Солодкій медъ, вино подпивае:

Козацькій гласъ зачувае,

До вдовы прибѣгае, словами промовляе:

«Мати моя, мати, удобо, старая жено!

Когда бы, мати, четыре волы половыи,

40. А три чабаныи позаймала

До города Крымова отогнала,

До жида Орендаря, ще пятьдесят золотыхъ,

Готовыми грѣшьми доплатила, —

Коня минѣ на славу козацкую купила:

Що моя душа козацкая, молодецкая, дуже возлюбила.»

«Сыну мой Ивасю, Удовиченку, Коновченку!

Волися тими волами хлѣбъ пахати,

Козаковъ на хлѣбъ, на соль затягати,

Будуть тебе Козаки и безъ рыцарства знати.»

40. «Хочъ я, каже, буду, мати, козаковъ на хлѣбъ, на соль
затягати,

Будуть минѣ козаки, прозваніе прокладати:

Гречкоствемъ, полегаемъ называть;

Не хочется минѣ, мати, по роль спотикати,

За плугомъ спины ломати,

Жовтого сафьянну колятти,

Червоннаго едеману циломъ набивати;

Хочется, мати, пойти, на долину Черкень погуляти,

Звычал козацкого набрати,

Славы рыцарства достати,

70. За вѣру Христіянску одностойно стати.»

Скоро то ся удова, тое зачувала:

Великое пересердіе мала,

Всю зброю козацкую собирала,

У комнатау замыкала,

Сабли булатныи,

Пищали семипядныи —

На стѣнѣ забувала.

Звонъ зачувала,

До Божого дому, до церкви отхожала.....

80. То Ивась Удовиченко отъ сна прочинае,

По свѣтлицѣ поглядае:

Що зброя козацькои у свѣтлици на мае, —

Вонъ саблю булатную у руки бере,

Пищаль семипядный на плече кладе,

За вѣйскомъ пѣшкомъ идѣ.....

Вѣйско иде, якъ бжола гуде.

Вдова старая изъ цѣркви, Божого дому, выступала,

По между вѣйскомъ поглядала,

Ивася выглядала:

90. Сына своего, предлюбезного, въ лице не познала.

До господы прибувала; по зброя козацькои познала.

Що Ивася у господѣ не застала.....

Лаяла, проклинала;

До небесъ руки съдоймала:

«Господи милосердый! бодай моего сына,

На первой потреbѣ, первая куля не минула.»

Зновъ отъ великого сердця отхожала,

Обѣдати не сѣдала,

У загороду вхожала, словами промовляла:

100. «Господи милосердый, будь мене, ты слова,

Старую на постели споткали,

Що я на своего сына Ивася нарекала.»

Тогда четыре волы половые, а три чабаны

До города Крылова, до Жида Орендаря;

Ще пятьдесят золотыхъ готовыми грошми доплатила, —

Коня на славу козацью купила,

Що его душа козацкая, молодецкая, даже возлюбила.

А ще козака съовстрѣчала:

Три копы (*) и коня до рукъ довала,

110. Вѣрнымъ другомъ называла:

«Ей козаче, козаче, вѣрный друже!

(*) Копа, числительная монета, нынѣ составляетъ 50 копѣскъ; три копы, въ старину были большія деньги.

Ты моего сына наследогониши,
Да его чѣловѣкомъ постановиши;
Нехай мой сынъ, Ивась Коновченко,
Степу ногами не смирае,
Живота не вривае:
Матери старенькой не лае,
Не проклинае.

Козакъ три копы и коня дорого взявъ,

120. За городомъ Браиловымъ, у шести миль, войско догнавъ;

Между войскомъ выѣжае,
Между войскомъ поглядае:

Ивася Коновченка у лице непознае.

Скоро Ивась Коновченко коня взрѣвъ,

Барзо обомлѣвъ:

До коня пробувае —

За поводы хапае:

«Я-же, каже, думавъ мене моя мати лае да проклинае,

Аже вона обо мнѣ стараніе мае.

130. Колибъ минѣ Богъ да помогъ сіею дорогою у потребу
сходити,

Не пошлабъ моя мати,

По чужимъ дворамъ спотикати,

Хлѣба да соли позычати:

Могъ бы іи при соли до вѣку содержати.

То скоро Ивась Коновченко на коня сѣдае.

По межъ козаками повертае,

Яко бы ясный соколь лѣтае.

Тогда козаки, одинъ на одинъ взглядали,

Словами промовляли:

140. «Либонь Ивась удовиченко, Коновченко,

При своемъ отцеви сѣростъ мавъ,

Доброго коня невидавъ,

Ледвѣ на своему господарствѣ дождавъ.»

То третьюго дня безбожныи бусурманы,

Филоненка, Корсунского Полковника, кругомъ оступали;
Но ни одинъ козакъ не обревся,
Ни старый, ни младый на долину Черкень погуляти.

Только Ивась Коновченко сердца козацкого невнимае,
Коня на поводѣ ведѣ,

150. Слычокъ подъ рукою несѣ
Унаметъ вступае:

Пану Филоненку, Корсунскому Полковнику, челомъ давае,
На здоровье пытае:

«Пане Филоненку, Корсунскій Полковнику, батьку ко-
зацкій!

Благослови ты минъ, на долину Черкень погуляти,
Славы войску рыцарства достати,
За вѣру Христіянскую одностойно стати.»

«Ой Ивасю, Удовиченку, Коновченку!

Ще ты дѣтя молодое,

Съ розуму недѣйшло, звычаю козацкого не знаешъ,

160. Не знастьимешъ якъ бы по межъ козакамъ исправляти,
Якъ бы съ безбожными бусурманами погуляти;
Еще у мене оббѣрется старѣйшій козакъ,

На долину Черкень погуляти.»

«Ты Филоненку, батьку нашъ козацкій!

Вѣзьми ты утя старое,

Другое малое;

Пусти ты на Чорне море:

Когда такъ небуде гуляти и малое

Якъ бы и старое;

170. Когда я не буду гуляти такъ козакъ младый
Якъ бы и старый.»

Скоро Филоненко тое зачувавъ,

Ивасю Коновченку на долину Черкень гуляти дозволяе.

То Ивась изъ намету выступае:

До коня пробувае,

Великую радость мае;

- Покрѣпче подзруги подтѣгае,
Червоный тыляги подъ сребромъ; подъ златомъ на себѣ
надѣvas,
- По между вѣйскомъ повертае,
Яко бы ясный соколь лѣтае;
Старого козака совсѣмъ —
За родного батька поважае,
Молодого совсѣмъ за роднаго брата почитае.
- Богъ ему да помогъ. За таборъ выѣжавъ
Первого рыцаря встрѣчавъ —
Челомъ давъ: съ плечь голову сънявъ;
Другого совсѣмъ —
И тому такій отвѣтъ подаровавъ.
- То правда, панове, не богацько Коновченко, по долинѣ
Черкенъ погулявъ,
- Самыхъ наистаршихъ пятьсотъ чёловѣкъ, рыцарей,
подъ мечь пускавъ,
Шести живьемъ поймавъ,
На арканъ связавъ
- Передъ Филоненка, Корсунскаго Полковника, языка при-
мчавъ,
- Перѣдъ посадавъ.
Самъ Филоненко изъ намету выступае,
На тыхъ Бусурманъ поглядае;
«Лай спасиби, каже, Ивасю Коновченку!
Я казавъ ты дитя молодое,
Съ розумомъ недойшло,
- Звычаю козацкаго не знашь:
А-же ты, бачу, за илугомъ похожавъ,
Вси звычай козацкіи собираувъ.»
«Тымъ бо я, батьку, тебе обѣялю,
Що у себе прежъ (*) ясный мечъ, прежъ мачино порожде-
ніе маю.

(*) Многія Польскія слова, каковы *барзо* — очень, *штыри* — четыре,

Дай минъ батьку оковиты; горѣлки, напитись,
Не зарѣкаюсь безбожныхъ бусурманъ больше побити.»

«Ой Ивасю Коновченку! ще ты дитя молодое,
Будешъ ты хмель уживати;
Будешъ передъ менѣ Пана молодого

210. На долинъ Черкенъ голову козацькую покладати.»
«Не буде минъ, батьку, сей хмель ничѣго зацепати,
Лучче буде сердцю смѣости подавати.»
Скоро се Филоненко, тое зачувавъ,
Ивасю Коновченку оковиты, горѣлки, напитись дозволяе.

То Ивасъ у паметъ вступае,
На скамъѣ земляный, широзлатый кубокъ взявъ,
Шѣновану пляшку выймавъ —
Шрубокъ къ отшrubовавъ,
Оковиты — горѣлки наливавъ:

220. Напився якъ бы могъ на коня съѣдати.

По между вѣйскомъ повертае,
Доброму коню натиски налягае,
По между вѣйскомъ проѣзжае:
Старого козака совстрѣчае —
Гордымъ словомъ сневажае;
Молодого совстрѣчае — о прощаніе не пріймае,
Стременемъ о грудь поторкае.....
То Богъ ему не помогъ. За тaborъ выѣзжавъ:
То безбожныи бусурмане, чи языка поймали,

230. Чи напилого чоловѣка познали —

За тaborъ чверть мили отбавляли:
Молодого Коновченка постреляли,
Порубали, съ коня сбивали, —
Все поле изгоняли,
Коня козацкого не поймали.

прѣмъ — чрезъ, употребляются только въ древнихъ думахъ и въ Малороссии вовсѣ народу неизвѣстны.

То у недѣлю, у полуднью годину,
Самъ Філоненко, Корсунскій Полковникъ,
Изъ намету выступае,
На таборъ поглядае:

240. Що кѣнь козацкій полемъ гулле,
Вонъ до козаковъ промовляе:
«Ей Козаки, Панове молодци! добре дбайте,
Кости да карты покидайте;
Помежтъ собою, восемъ тысячъ, войска на выборъ выби-
райте:

Штыри тысячи, по тѣло посылайте,
А штыри тысячи, коня козацкого поймать посылайте;
Бо уже кѣнь козацкій, не дурно по табору гулле:
Се копечно, Ивася Удовиченка, на сѣмъ свѣтѣ не має.»
Тогда козаки, якъ дѣти добре дбали:

250. Кости да карты покидали,
По мѣжъ собою, восемь тысячъ, войска на выборъ выби-
рали,

Штыри тысячи, тѣло козацкое сиходили
У червоную китайку вложили;
А штыри тысячи, коня козацкаго поймали —
На избочъ постановили.....
То правда, Панове, не богато, Ивася Удовиченко, Конов-
ченко,

На долинѣ Черкенѣ гулявъ:
Хочя у самому хмелю бувавъ;

Ще триста пятьдесятъ чёловѣкъ на вѣкъ порубавъ.

260. Тогда козаки саблями да надѣлками суходѣль копали,
Шапками да приполами перстъ носили, —
Высоку могилу высыпали;
Славу Козацкую учинили:
У головонькахъ червоный прапоръ постановили, (*)

(*) Эта обычай и по сию пору существуетъ въ Малороссіи, надъ могилами козаковъ и паробковъ, въ крестъ утверждаютъ не большое знамя.

Изъ семипядныхъ пищалей прозвонили.....

То у Суботу на недѣлю; приснится удовъ сонъ, барзо дивенъ на причудъ.....

То вона отъ сна прочинала,

На базаръ выходила,

Которы стары жоны то мужи совстрѣчала

270. Свой сонъ повѣдала.....

Хочь старыи жоны да мужи сей сонъ добре знали —

Удовъ правды не сказали:

«Ты удово, старая жоно, не плачь, не журися,

Бо вже твой сынъ Ивасъ подружився:

Понявъ собѣ дѣвку, Туркеню, чужеземку,

У зеленои сукнѣ, съ бѣлыми басанами;

Богъ ему да помогъ, гораздъ живе —

Подати не дае, хлѣба не присъвае,

Никт-ось его не зачепае.»

280. Тогда удова до госпѣды пробувала, словами промовляла:

«Хвалю тебе, Господи, и благодарю!

Хочя мой сынъ, буде по войскамъ ходити:

Буде минѣ съ кымъ, у госпѣдѣ слово сговорити,

Съ невѣсткою тугу раздѣлити.»

То по Суботѣ, третьяго дня, Филоненко, Корсунскій Пол-

ковникъ,

До города Черкасъ со всѣмъ войскомъ появився.

Скоро то старая удова то зачувала

Вѣликую радость мада:

Цеберь меду, кинву горѣлки наточила у брамы стала,

290. Старого козака и младого о своемъ сынѣ пытала.

Первая сотня и другая наступае, вдова сына не выдае,

Третя сотня подъ полковою корогвою,

По переду хорунжій идѣ, —

Удовиного коня за повѣдъ гостинця веде.

То удова, старая жена, коня узрѣла,

Вся обомлѣла:

Ударится крыжемъ о сырью землю,

Лаяла, проклинала, до небесъ руки съдоймала:

«Ой Филонепку! бодай ты собѣ, ни доли, ни счастья не
мавъ;

300. Якъ ты моего сына, изъ между войска, якъ мызинний па-
лецъ потерявъ!....»

То самъ Филоненко, Корсунскій Полковникъ,

Съ коня вставъ, вдову подъ плечи взявъ:

«Стой удово, старая жено! не плачь, не журися,

Мене Пана молодого не лай, не проклиной:

Бо я твоего сына на герецъ гуляти не высылавъ, —

Вонь самъ охоту козацькую мавъ.»

Тогда удова не убога ся мала,

Три сотни войска у свѣй домъ закликала:

«О теперя козаки, Панове молодци, пійте да гуляйте,

Разомъ похоронъ и вѣсёлья отправляйте!»

310. Тогда козаки пили да гуляли,

Изъ семипядныхъ пищалей гремали,

Славу козацьку выславали:

За разомъ похоронъ и вѣсёлья отправляли.

Правда, Панове, полягла Ивася Коновченка,

На долинѣ Черкенѣ голова.

Слава не умре не поляже:

Буде слава славна —

По межъ Козаками,

По межъ друзьями, —

По межъ Рыцарями,

По межъ добрыми молодцями.

Утверди Боже: люду Царьского,

Народу Христіянського,

Войска Запорожського, Донського,

Съ сією Чернью Днѣпровою,

Низовою:

На многія лѣта,
До конца вѣка.

ШВАЧКА.

==

Первые восемь строкъ этой думы, есть, по преданию, сочиненія Хмельницкаго. О «Рыцарь» этой думы, какъ и о слѣдующихъ трехъ, мы ничего не знаемъ. Въ здѣшней, какъ видно, соединены двѣ различныя пѣсни — онѣ имѣютъ даже особенные голоса.

9.

Зажурилась Украина:
Шо нигде прожити, —
Вытоптали Орда кѣньми
Маленькии дѣти!

* * *

Да не такъ вона вытоптала,
А якъ вырубала;
Которыхъ не рубала:
Тыхъ въ полонъ забрала.

Ой не есть то козакъ Швачка,
 Що загнавъ Ляховъ
 Въ Бѣлу Церковь,
 Въ стойло!

* * *

Ступивъ Ляшокъ, на порожокъ,
 Шаблею стискае:
 Козакъ Ляха не боится —
 Шапки не снимае.

* * *

Кинувсь Ляшокъ до канчука,
 А козакъ до дрюка:
 « Отъ-се тобъ, сыну вражій!
 Съ душею розлука! »

Прим. *Канчукъ* — пагайка, дрюкъ, по Сл. дреколіє, колъ.

ГОЛОТА.

==

40.

Да на Савуръ могилъ , гулявъ козаченько , гулявъ ,

Да не якого дива не видавъ :

«Ой долино-Ялино ! сколькѣ л на тебѣ гулявъ ,

Да не якого дива не видавъ !»

.....

Ой на полѣ на Килианьскому ,

На шляху на Ордынскомъ :

То не ясный соколь лѣтае , —

То козакъ Голота , сердечный , добрымъ конемъ гулле ;

Ой ставъ Татаринъ къ нему прїезжати ,

Порошку на полку посыпать ,

Сердечного козака Голоту съче да рубае ,

Голота нагайкою стрѣлы отбивае :

«Ей ты , Татарюго , съдый , бородатый ,

На что ты уповаешь ?

Чи на свою шапку бирку ,

Шо шовкомъ шита ,

Вѣтромъ подбита , —

А сверху дирка ?

Чи на свои постолы бобровы ,

Шо шовковы волоки —

Въ одну сталь

Съ валу?

Чи на свою сермягу семилатнью?
Ей старый, бородатый, да кому Богъ поможе.....»

.....

(Козакъ береть въ плащъ Татарина, и приводить на веревкѣ въ тaborъ войсковой къ своему начальнику).

«Ой ты Савуръ могило! сколькѣ я гулявъ,
Да такои добычи не добувавъ!»

Прим. Шапка бирка—шапка съ овечьихъ смушекъ; шовкѣ—щелкѣ;
постолы — кожаныя сандаліи; волоки — ремни для скрѣпленія постолъ;
валу — пакля.

Л Е В Е Н Е ЦЪ.

=

11.

Ой Левенче, Левченоньку!
Ты удовинъ сыну да козаченьку!
Вже-жъ на тебе, всѣ Паны встали исъ израдою
Хотяль уловити громадою:
«Ой л-жъ бо ихъ да не боюся,
Я ще молодъ козакъ, выслужуся:
За два коня вороныи,

За двѣ саблѣ золотыи!»
Погодивши да не забаривши ,
Да ведуть Левенца уловивши ,
Ведуть его да улицею ,
Съвязали руки сырицею .
За нимъ идеть : ненька старенька ,
Сестра рѣдененька ;
«Чи я-жъ тобѣ , сыну , да не казала :
Чи я-жъ тобѣ , брате , не говорила :
Що не рубай лѣса Лебедина ,
Вырубавши да съволочивши да запиливиши .»

.....

Ой пôшовъ Левенецъ затуживши
Пôшовъ жъ вонъ да по пôдъ лугомъ
Да подпираючись тугимъ лукомъ ;
Пришовъ же вонъ да до криница
До холодной да до водицій :-
Ой стоять кони да попутаны , повычены ,
Воны отъ Левенца не утечены !
Лежать Паны да порубаны , помучены ,
Воны отъ Левенца не утечены !

Прим. Громада , — гурьба , толпа ; израда — вѣроломство ; забарити — медлить ; сырица — сыромятный ремень , кожа ; криница (Греч. Κρήνη) источникъ ; неутеченый — неуходимый .

А В Р А М Е Н К О.

=

12.

Да була собѣ бѣда вдова ,
Да три собѣ сына мала ,
Да ни одного у велику
Дороженьку не пускала :
«Охъ , не ъдь , сынку , да не ъдь Климку
У великую дорогу :
Пересѣдь , сынку , сей день середу ,
У господѣ со мною ! »
«Охъ , радъ бы я , моя мати ,
Середу съгуляти :
Що пытъ козаки у таборѣ —
Мене мати не видати . »
Ой у городѣ у Отобурѣ
Да двѣ квѣтки вьется :
Шо пôдъ городомъ Отобуромъ
Тамъ Овраменко бьется ;
Ой у городѣ да у Отобурѣ
Да двѣ квѣтки съвито :
А пôдъ городомъ , пôдъ Отобуромъ
Тамъ Овраменка убито .
Да не было у него грошей много ,

А тѣлько жупанъ синій,
 Да и то поважився прескурвый сынъ Турчинъ:
 Шо вонъ козакъ уродливый.

Прим. Гроши — деньги; прескурвый — бездѣльникъ. Послѣдніе че-
 тыре стихи довольно забавные.

ЖЕЛЪЗНЯКЪ.

Около 1770 г. и слѣдующихъ, когда Поляки угнетали Малороссійскихъ козаковъ, въ нынѣшихъ Кіевской и Подольской губерніяхъ, желая обратить ихъ въ холоповъ; когда не менѣе ихъ, Уніаты, заставляли народъ отрекаться отъ Православія—часть смѣлыхъ и отчаянныхъ Запорожцевъ, вздумали освободить эту часть Малороссіи отъ ига Польши. Должно было сражаться противъ всей Польской аристократіи, къ нимъ присоединились еще уцѣлѣвшіе тогда отчасти Малороссійскіе козаки, правой стороны Днѣпра, какъ-то: Жаботинскій сотникъ Мартынъ Бѣлуга, Смѣльскій Шило, Уманскій Гонта. Всѣ они погибли. Съ послѣдняго Поляки:

Черезъ сѣмъ дцей съ его кожу по поясъ сдирали,
 И голову облутили, солью насоли.....

Укр. нар. пѣсни изд. Макс. стр. 126.

13.

Максимъ Желѣзнякъ ,
Славный козакъ ,
Изъ славнаго Запорозья ,
Якъ вѣде на Украину — якъ повная рожа (*).

Максиме Желѣзняче !
Ты славный кѣзачѣ :
За тобою Желѣзняче
Вся Украина (**) плаче.

Славный козакъ ,
Максимъ Желѣзнякъ :
Славного дивида — .
Не буде на Украинѣ , ни Ляха , ни Жида !

Только гляне ,
То все гряне.....
Максимъ Желѣзнякъ ,
Славныхъ козаковъ — вѣйско собирае:

.....
Ой роспустивъ вѣйско по всей Украинѣ ,
Да не може собрати..... (***)

(*) Роза.

(**) Правой стороны Днѣпра.

(***) Какъ видно , эта дума утеряна . Въ другомъ собраниі Максимовича , послѣ взятія Умани говорится :

«И говорить Максимъ Желѣзнякъ , сидячи въ неволѣ :
Не будуть мати вражи Ляхи на Украинѣ воли :
Течуть рѣки изъ всего свѣту до Чорного моря :
Минулася на Украинѣ Жидовськая воля !

ГРИЦЬ.

=

14.

Да встань, батьку,
Да встань, Грицю,
Кличутъ тебе люде:
«Ой якъ пойдешъ на столицю —
По старому буде;
Ой якъ пойдешъ на столицю —
Попросишъ Царицу:
Чи не отдасть нашихъ земель, —
Клейноты не верне!.....»
«Не на тее, милы братье,
Свѣчъ атаковала,
Щобъ Царица наши земли,
Клейноты вертала.»
Тече рѣчка, невеличка —
Подмывае кручи:
Ой заплакавъ Панъ Кошевый
Вотъ Цариця йдучи.
У Суботу изъ вечора,
Москаль наступає,
А въ недѣлю подъ обѣдъ,
Лагерь разбиває.
Ходить Москаль по курени,

Запасъ отбирае ;

Брали сребро, брали злато ,
Восковыи свѣчи :

«Оставайся , Панъ Кошевый ,
Съ писаремъ на свѣчи .»

«Благослови , Отомане ,
На гаубвахтѣ stati :

Москаль стане съ саблями ,
А мы съ кулаками :

Нехай наша слава буде ,
Промежъ Козаками ! »

ЛѢСЪ ЧУТА.

==

15.

Славная Чута товстыми дубами :
Ще славища Чута , Низомъ , козаками !
Що козаченьки завжде пробувають ,
Изъ Лятськои области — собѣ добычъ мають .
Що драли Ляховъ , драли обдирали ,
Де бувъ Жидъ богатый и того не минали .
Драли гайдамики , вѣтъ Панской ласки ,

Драли кармазины, самы поносили ,
 Драли оксаминты, шили шаравары.
 Якъ загнали Ляховъ въ Кальныи болота ,
 Брали много сребра и злата ,
 Да загнали Ляховъ до лѣса до Чуты :
 Ой тамъ Лашенъкамъ отпоръ дали :
 «Памятайте, Ляхи, де козацькіи шляхи ,
 Да нась не забувайтесь ,
 Ще нась сподѣвайтесь !»

КАЛНАШЪ.

=

16.

«Славный свѣтъ, наша матушка :
 На що напусть напустила ,
 На що наше войско,
 Славне Запорожьске ,
 Ты такъ разорила?.....
 «Не хотѣла я-жъ, славны Запорожцы ,
 Ать такъ разорити ,
 А послала Москаликовъ ,
 Щобъ васъ припинати .»
 «Великъ свѣтъ, наша Матушка ,

Пойдемъ Хану служити :
 А пежъ мы маемъ Князьямъ, Генераламъ ,
 Вашимъ грубы топити.»

Похилилися всѣ до купочки ,
 Калиновы вѣти :
 Заплакали славны Запорожьци ,
 Якъ по матери дѣти.
 Собиралися ты двѣ дивизіи ,
 У Сѣчъ у Новый Базаръ ,
 Ходить нашъ Калнашъ Кошевый
 И головочку связавъ.

И ударили та на столици
 Изъ новои ручници :
 «Вы кидайте, славны Запорожьци ,
 Пистолеты и ручници.»

Ой ударили изъ столиці ,
 Изъ новои пушки :
 «Утекайте, славны Запорожци ,
 Не то кѣньми и пѣшки !

Ой кругомъ церкви Сѣчевои ,
 Караулы стали :
 Священнику отцу Владимиру ,
 Служити не дали.

Тече рѣчка невеличка ,
 Подмиває кручи :
 Заплакали славны Запорожьци ,
 Отъ сѣчи вдучи.

Легъла бомба отъ Чорного моря ,
 Да середъ Сѣчи впала :
 Хочь пропали Запорожьци ,
 Да не пропала ихъ слава!»

Слѣдующія двѣ думы извѣстны, но здѣсь онъ предлагаются какъ варіанты, имъя каждая прекрасныя мѣста, которыхъ въ прежнихъ не находится; вторая изъ нихъ есть дума извѣстная въ нашихъ собранияхъ пѣсней, подъ именемъ: бури на Черномъ морѣ; я имъю объ ней другой варіантъ, въ иѣсколько сотъ стиховъ и не менѣе огромный: о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова; но къ сожалѣнію теперь це находится онъ подъ рукою, быть можетъ, со временемъ издать ихъ.

17.

У недѣлю рано, берзо рано, не у вси звоны зазвонено:

Якъ у крайнимъ домѣ говорено;

Отець и мати въ чужую сторону

Сына выпровожали, словами промовляли:

«Иди-жъ, ты сыну, межъ чужими люде,

Чи не лучше тобѣ буде?

«Не хотѣлось бы минѣ мати,

Въ чужій сторонѣ пробувати,

Будуть мене, мати, пришеньцемъ называть.»

Сестра старша коня веде,

Середульша сестра зброю несе,

Шо найменьша сестра — брата выпровожае, словами про-

мовиле:

Вѣткѣль тебе, брате, выглядати:

Чи съ буйнои войны,

Чи съ чистого поля,

А чи съ людославного Запорожья?»

«Не выглядай мене, сестро:

Ни съ буйнои войны,

Ни съ чистого поля,

Ни съ людославного Запорожья;

Вѣзми, сестро, жовтого пѣску жменю,
 Посій на бѣлому камени,
 Вставай, сестро, ранесенько,
 Поливай жовтый песокъ частесенько,
 Ранними вечерними зорями:
 Чи своими дрѣбными слезами.....
 Ой коли, сестро, о Петра, рѣки замерзали,
 О Роздвѣ, калина въ лузѣ — бѣлымъ цвѣтомъ процвѣтала,
 Объ Василля, ягоды изрожали;
 Жовтый песокъ по бѣлому каменю исходивъ
 Синимъ цвѣтомъ процвѣтавъ,
 Хрещатымъ барвинкомъ у четыри ряды устилавъ?»
 Промовить сестра словами,
 Обольется горько слезами:
 «Якова я, брате, стала,
 Що я отъ старыхъ людей не чувала:
 Що о Петра, рѣки замерзали,
 О Роздвѣ, въ лузѣ калина бѣлымъ цвѣтомъ процвѣтала,
 Объ Василія, ягоды изрожали,
 Жовтый песокъ на бѣломъ камени исходивъ,
 Синимъ цвѣтомъ процвѣтавъ,
 Хрещатымъ барвенкомъ у четыри ряды устилавъ.»
 «Чи ще то, сестро, сему не догадаешься:
 Що о Петра, рѣкамъ не замерзати,
 О роздвѣ, калинѣ у лузѣ бѣлымъ цвѣтомъ не процвѣтати,
 Объ Василіл, не изрожати,
 Жовтому песку по бѣлому камени не сходити,
 Синимъ цвѣтомъ не процвѣтати,
 Хрещатымъ барвенкомъ у четыри ряды не устилати:
 Уже минѣ, сестро, вашимъ гостемъ не бувати.»
 Промовить сестра, словами,
 Обольется горько слезами:
 «Добро, каже, брате, на чужинѣ пробувати,
 Въ кармазинахъ похожати:

Будуть тебе, брате, кумы; побратими знати;
А пришибе тебе на чужій сторонѣ — злая година,
Лиха хуртовина, —
Отцурается тебе, брате, вся названная родина...»
На святого Духа, люде изъ церкви идутъ,
Якъ бжолы гудуть;
Пола съ полою мелькается;
Побратимъ съ побратимомъ на здоровье пытается....
Охъ, якъ то трудно звѣрю, птицѣ,
Безъ поля, безъ дубровы:
То такъ трудно щуцѣ рыбѣ на суходолѣ;
Охъ, якъ то трудно съ сырой земли
Важкій камень сънятіи:
То такъ трудно на чужинѣ, безъ отца, безъ матки, помен-
рати:
Для себе сердечной родины не мати!....

18.

На синѣмъ морѣ, на бѣлому камени,
Тамъ сидить ясенъ соколь бѣлозерецъ,
Жалобненъко квилить, проквилле,
На святе небо поглядае:
Половина солнця и мѣсяця
У тьму потмарило,
Уже во тьму уступило...
Що не разомъ на морѣ починало,
Козацько суда на три части розбивало:
Перву часть отбивало —
Въ тихій Дунай замчало;
Другу часть отбивало,—
Въ Агарянську землю заносило;

А третю часть отбивало —
Середь моря затопляло.

У сей части затопле, два брата родненъкихъ:
Якъ голубенько въ сивенькихъ.
И между ними третья; чужа-чуженица,
Бездонный и безплеменный!

20. Тому ни съ кѣмъ прощанья приняти,
На чужинъ порятунку дати!....
-

Толькѣ старшій братъ, промовить словами,
Обольется горько слезами:

«Се, брате, не сопротивна хвиля затопле:

А отцева, паниматчина молитва карае,

Що мы у охотче войско вырѣжалися:

У отца и матки прощенія не прохали,

Старшого брата не сважали,

Средульшу сестру, не чтили и не поважали,

30. Ближнему соєду, хлѣба-соли сбавляли;
Противъ церкви проѣздили: сличокъ съ главъ не-
сднимали,

Милосердного Творца — на помощь не прохали;

Старыхъ людей марно сневажали.

А по тымъ, мы, счастье и долю утеряли.

Се, брате, коли бъ отцева молитва и паниматчина:

Изъ супротивный хвили вызводяти,

Могли бъ мы, брате, отцеву молитву и паниматчину
выхваляти,

И старшого брата за родного отца маги,

Средульшу сестру чтити и поважати,

40. Ближняго сусѣда за родного брата мати.»

Толькѣ стали отцеву молитву и паниматчину выхваляти,

Ставъ ихъ Господь на Русь вызволяти,

Стали близко къ бережку приплывати

И ручспѣками за бѣлый камень хадати,

На берегъ выступати:
 На край веселый,
 Межъ народъ хрещеный;
 До отца до паниматки прибувати;
 Противъ сыновъ отецъ, мать, выходили:
 50. «Эй чи добрѣ, сыны, въ дорозѣ починалось?»
 «Добрѣ, Паньотче и Паниматко, на сиенѣ морѣ гу-
 ляти,
 Толькѣ не добрѣ, чужему чуженицѣ на чужинѣ поме-
 рати
 Тому ни съ кѣмъ прощанья прияти, —
 На чужинѣ порятунку дати.»
 Счастливый той, Панове молодци,
 Чѣловѣкъ на свѣтѣ бувае,
 Который чтить отца и неньку поважае:
 Отцева молитва и Паниматчина
 И изъ супротивной хвили вызволле.

*Прим. Порятунокъ (Нѣм. Retten, спасать.) помошь, пособіе. Хонилл
 (ст. свиля) волна. Сликъ — шапка. Сѣверные берега Чернаго моря, на-
 зываются въ думахъ Русскими.*

ПЛАЧЬ НЕВОЛЬНИКА.

19.

«Поклоняется бѣдный невольникъ:

Изъ земли Турецькои, изъ вѣры Бусурманской
У города Христіянськіи — до отца, до матусъ,

Що не можетъ вонъ имъ поклонитися, —
Только поклоняется голубенькомъ сивенькимъ:

Ой ты голубенько сивенький!

Ты далеко летаешьъ, ты далеко буваешьъ;

Полени ты въ города Христіянськіи:
До отца моего, до матусъ,

Садъ, пади, на подворъе отцовскому,

Жалобненько загуди:

Объ моей пригодѣ козацькои припомни;
Нехай отецъ и матуся,

Мою пригоду козацькую знаютъ, —
Статки, маєтки, сбывають,

Велики скарбы собирають —
Головоньку козацькую изъ тяжкой неволи вызволяютъ

Бо якъ стане Чорнєе море согрѣвати:
То не знатъ-име отецъ, либо нъ матерь,

У которои каторзъ шукати;
Чи у пристанъ Козловськои,

Чи у городѣ Царь-градѣ на базарѣ;

Будуть Ушканы, Турки, Янычаре набѣгати,
 За Червоное море у Орабськую землю запродати,
 Будуть за нихъ сребро, злато, не личачи,
 Сукна дороги, поставами не мѣрячи,
 За нихъ брати.
 Тогда далася бѣдному невольнику,
 Тяжкал неволя добре знати:
 Кайданы руки, ноги посыдали,
 Сырая сырица до жовтой кости
 Тѣло козацькое проѣдала....»
 То бѣдныи невольники, на кровь, на тѣло поглядали,
 Объ вѣрѣ Христіянскій гадали,
 Землю Турецкую, вѣру Бусурманскую проклинали:
 «Ты земле Турецкая, вѣро Бусурманская,
 Ты есь наполнена сребромъ, златомъ
 И дорогими напитками:
 Тѣлько-же бѣдному невольнику на свѣтѣ невольно,
 Что бѣдный невольникъ у тебѣ пробуаваеть:
 Праздника Рождества, будь-ли Воскресенія не знаетъ;
 Все у неволѣ проклятои, на каторзѣ Турецкои,
 На Чорномъ морѣ пробуають,
 Землю Турецкую, вѣру Бусурманскую прокли-
 нають:
 «Ты земле Турецка, вѣро Бусурманьска,
 Ты розлуко Христіянска!
 Уже бо ты розлучило, не единого за сѣмь лѣтъ войною:
 Мужа съ женою, брата съ сестрою,
 Дѣтокъ маленькихъ съ отцемъ и маткою.
 Вызволь Боже бѣдного неволька:
 На Свято-Русскій берегъ,
 На край веселый, межъ народъ хрещеный....»

Прим. Червоное море — Черное море; каторга — гребное судно; шукати (Нѣм. Suchen) искать; личити (Сл.) считать; сырица — сталь.

Одинъ Польскій писатель XVII вѣка, говоритъ, что въ Европейской Турціи, въ его время, находилось до 150,000 тысячъ человѣкъ изъ южной Руси въ неволыничествѣ, не говоря объ Anatolii.

К А Л Н А Ш Ъ.

==

20.

Славно было Запорожье всѣми сторонами,
А теперь нельзя прожити за Москалими.
«Стережися, Калнашенко, вѣтъ чистого ставу:
Бо втеряешь Запорозье и козацьку славу....»
Не стерѣгся Калнашенко вѣтъ Чорного моря:
Уже ему въ Петербурсѣ шестый годъ неволя.
Зруйновали Запорозье, забрали и свѣчи:
«Оставайся, Панъ Кошевый, съ писаремъ на Сѣчи.»
Зруйновали Запорозье, забрали и клейноты;
Наробили сѣромахамъ великой скорботы!
Наступала чорна хмара, ставъ дощъ наступати,
Стали наши Запорожцы подъ Турка втекати,
Подпісалось сорокъ тысячъ підъ Турчиномъ жити:
Присягали Турчинови якъ Москали бити!....

ПѢСНИ.

1.

Хто не пивъ воды да Дунайськои ,
Той не ъвъ каши козацькои !
Гомонъ, гомонъ по дубровъ ,
 Туманъ поле покрывае ,
Мати сына научае :
« Да не журъ мене, моя да стара нене :
Бо я журьбу и самъ знаю , —
Шлеть мене Гетьмана до Дунаю ,
Да я Дунаю, я самъ не знаю
Да до Дунаю прїезжаю :
 Съ кониченька не вставаю
 Въ пахву шаблю не ховаю ,
 Все съ Дунаемъ розмовляю :
« Ой чомъ-же , ты Дунай , такъ ставъ смутень ,
 Коломутенъ ?
Ой що-жъ Дунай, тебе сбило ,
 А чи вороний галочки ,
 Чи вороний да кониченьки ,
 Чи молодый козаченьки ?»

.....

Да ведуть кони да Гетьманськіі :
Да не пьютъ воды Дунайськои ,

Да пе пыть воды , не почивають,
 Все на той бокъ да поглядають:
 Де козаченьки коньми грають ,
 А шабельками повертаютъ.

2.

Охъ , вы галочки , чернопѣрочки
 Да крутую гору крыли :
 Молодыи да козаченьки ,
 Да жалю начинали .
 «Ой вы галочки , чернопѣрочки ,
 Поднимитеся у гору :
 Вы молодыи козаченьки ,
 Вернитесь до дому : »
 «Ой рады мы да поднятися ,
 Такъ туманъ прилягае :
 Охъ , мы ради да вернутися ,
 Да Гетьманъ не пускае ;
 Да не такъ Гетьманъ , якъ Гетьмана мати ,
 Хоче пами , козаками , Турка съвоевати .

3.

Ой по морю да по тихому Дунаю ,
 Тамъ плавала да б'яла лебедонька
 Съ маленькими лебеденятами .
 Да де се узявл сизокрылый орелъ :
 Ставъ лебѣдку бити , пробивати ,
 Стала лебѣдка ему промовляти :
 «Да не б'яй мене , сизокрылый орле !

Скажю тобъ вси жилности мой :
Шо у городъ у Коловеръ ,
Тамъ бьется орда , три дни, три годинъ , —
Текли рѣчки все кровавыи ,
Мостили мосты все тулубами —
Козацьми всѣ головами !»

4.

Ой летае сизый орель у высокій могилы :
Засилае гетьманъ листы по всей Українѣ :
« Оживите , Українци , не бойтесь никого , —
Извоеевавъ Москаль Пруса и ще Шведа многого .

.....
.....

5.

Во время Семилѣтней войны, тысяча Малороссійскихъ Козаковъ, были въ Пруссіи съ Россійскими войсками, вѣроятно по этому случаю они занесли въ свой край слѣдующую солдатскую пѣсню того времени :

Ой у городъ у Кистренъ , а передъ Кистренскими воротами ,
Тамъ стояла горница малеваная :
А въ той горницѣ Россійскій Графъ Кгрикгоръ Загаевичъ , (*)
Онъ на той горницѣ похаживаетъ ,
Да на свою армію погляживаетъ :
« Таланъ мой , таланъ мой такой ,

(*) Чернышевъ .

Служба, службушка Государева !»
 Какъ услышалъ это да Прусскій Король,
 Позвалъ къ себѣ Россійскаго Графа Кгрикгора Загаевича,
 Онъ сталъ его поить и кормить
 И сталъ его распрашивати :
 «Охъ, ты же, говорить, Россійскій Графъ Кгрикгоръ Загаевичъ!
 Служилъ ты еси своему Бѣлому Царю ,
 Послужишиъ ты мнѣ Прусскому Королю ,
 И вѣрою и правдою ,
 Будешь ты у меня, что найстаршой членъ !»
 «Ахъ, ты-же , говорить, Прусскій Король ,
 Королевское твое Величество !
 Да какъ наша Матушка разгѣвается ,
 Да какъ вся армія да поднимется ,
 Да какъ наберетъ она молодыхъ солдатъ ,
 А что артиллеріи головой не знать !
 Да какъ тѣ солдаты, ломовыя пушки съ собою возьмутъ ,
 Твой городъ Кистринъ весь разобьютъ :
 Тебя Короля Прусскаго въ полонъ возмутъ .

6.

Вотъ одна изъ лучшихъ воинскихъ пѣсней, древней Малороссіи: козакъ, обремененный добычею, отсталъ отъ своего войска; будучи окружень со всѣхъ сторонъ непріятелями, онъ ни сколько не унываетъ — одинъ только вѣрный товарищъ — конь его, предается туги, печали; въ эту критическую минуту, начинается между ними разговоръ, составляющій содержаніе всей этой пѣсни. Голосъ ея превосходный; примѣчательно, что онъ удивительно какъ сходенъ съ известнымъ романсомъ Жуковскаго: собираются тучи.

Да шумить, гуде, вѣтеръ по дубровѣ,
Блудить, блудить козаченько по дорозѣ.....
Пôдъ нимъ вбранъ кониченько нудить
«Ой чего жъ ты да , м旤й коню, нудишиъ ,
Изъ битои дороженьки блудишиъ ?
Чи я тобѣ да , м旤й коню , важокъ ,
А чи моя козацькая збруя ,
А чи добыченька моя?.....»
Ой ты-жъ минѣ да , м旤й пане , не важокъ :
А ни твоя козацькая збруя ,
А ни добыченька твоя ;
Ой то-жъ минѣ да , м旤й пане , важко :
Що ты будешъ у шинкарки пити ,
А я буду сырь землю бити ;
Що ты будешъ на ложку лежати ,
А я буду на хляцѣ стояти !»
«Не журися , м旤й коню , вороненъкій :
Будеть оброки — по самыи боки ,
Будеть съна — по самы колъна ,
Будешъ въ станѣ на сусъ стояти.....»
«Ой ще минѣ да , м旤й пане , важко :
Що изъ боковѣ да сторожае ,
А изъ заду да погоня идѣ ,
А изъ переду да сувстрѣчае.....»
«Да не журися , м旤й коню вороненъкій :
Мы сторожу да обминемо ,
А отъ погони да утечемо ,
А сувстрѣчею да побьемся !
Ой , низомъ-же , мой коню , низомъ !
Да заросла дороженька хмызомъ ;
Ой ты-жъ у мене да конь вороненъкій :
Перескакуй да хмызъ зелененъкій !»

*Прим. Шинкарь, ка (Нѣм. Schenken, пить.) трактирщикъ, корчевникъ.
Хляка — слякоть. Оброкъ — кормъ. Хмызъ — лѣсная заросль.*

7.

Ой у недѣлоньку рано, пораненьку,
 Ой у недѣлю въ ранцѣ,
 Выпроводжала матусенька сына
 Да у тихи новобранци:
 «Ой ъдь, сынку, ой ъдь, сыну,
 Ой ъдь да не барися,
 Выѣдь, сынку, за крутую гору
 Да назадъ вернися!»
 «Ой не швидко, моя-жъ матусенько,
 Назадъ я вернуся:
 Що-сь подо мною мой конь вороный
 На воротяхъ споткнулся.....
 Ой сълетѣвъ пѣснь на повы ворота
 Да сказавъ: какарѣку!.....
 Не сподѣтайся, матусенько, сына
 Изъ новобранцѣвъ до вѣку!»

Прим. Пѣсень (По Сл. пѣтель) пѣтухъ; сподавитъсл — надѣяться.

8.

Гсій, изъ усть Днѣпра да до вершины,
 Семьсотъ рѣчокъ и четыри,
 Да вси воны да у Днѣпра впали,
 У Днѣпра у правный да несказанный!
 Да повѣйте вѣтры да низовыи,
 Да на парусы быводныи
 И на демены малёваны!
 Ой сидить козакъ да на деменѣ,
 И вонъ деменомъ повертае:
 И на Чорне Море погладає.....

Ой пливе судно, однимъ одно;
А въ тому суднѣ Турчинъ сидить и съ Тур-
кенею;
А Туркеня сидить, вона негулле, —
Шовковенькій рушничокъ вышивае : (*)
«Ой кому сей рушникъ буде:
А чи Турчину, чи Татарину, а чи козакови
молодому!»
«Ой се буде (**) да Кошевому да молодому.»

9.

Темная ночка да не виднал де будемо почевати?
Головонько же, моя бѣдная, чи у степъ, чи у полъ,
Чи при битый дорозъ?
Чи у тыеи дѣвчиноньки,
Чи у тыеи рыбчиноньки —
Шо чорныи брови?.....

10.

Ой у полъ дымно да дымно,
За туманомъ и свѣта не видно,
Ой у полъ да туманъ, роса:
Ой тамъ Романъ да волы пасе,
А дѣвчина да воду несѣ.
Романъ волы покидае

(*) Въ развадѣ на Чёрномъ морѣ, козаки, вѣроятно, плавали это судно: ой кому сей ручикъ буде, спрашивается козакъ, который сидѣть на кормѣ или демсѣ.

(**) Отвѣчаетъ Турчанка.

И дѣвчину переймае:
Съ вѣдеръ воду вывертае.
«Ой Романе, да Романочку!
Скажу тебъ всю правдочку:
Не выливай съ вѣдеръ воды,
Буде мене мати бити,
Да нѣкому оборонити.»
«Ты дѣвчино молодая!
Ты матери знай отгадати:
Съпѣдъ зеленои груши,
Налетѣли сѣрыи гуси,
Сѣли, пали, на Дунаёчку,
Сѣолотили всю Дунай-воду, —
Я молода постояла:
Пока вода вщелочала!»

11.

Тихій Дунай воду понимае,
А ще тихше, Дунай воду несé,
Сидить дѣвка, сидить красна,
Вона русу косу чеше,
Що начеше, то на Дунай несе:
Плевити же вы, мои чорныи кудри,
Плевити же вы по тихому Дунаю,
По тихому Дунаечку,
Къ моéму вѣрнењкому другу!»
На козаку жупанъ голубенькій,
На козаку полсь шовковенъкій:
«Прощай, прощай! теперъ мила моя,
Теперъ же я тебе не боюся —
Молодъ козакъ, я ще оженюся;
Да пришлють молоду квѣтку,

Тобъ мила надѣнуть намѣтку.»

Теперь же ты, молодой козаче,
Съвѣвъ съ ума мене бѣдну дѣвчину,
«Теперь же я ни дѣвка, ни жѣнка,
Теперь минѣ мандрѣвка на думцѣ!»

Прим. Намѣтка — головной уборъ, серпанокъ замужнихъ женщинъ;
мандровка (Нѣм. Wandern, итти.) бѣгство.

12.

«Да теперь же ты, мой миленький,
У дорогу выряжаешься,
Да не дай Боже пригодоньки
Надъ тобою у дорозѣ.....»
«Ой я пригодоньки да не боюся,
Господу Богу дай помолюся:
Хоть самъ себѣ събавлю — ишу собѣ сънайду —
Тебе не вѣзьму.»
«Я-жъ, буду плакать
И молитъ-иму Бога,
Щобъ тебе побило
Де гладка дорога!.....»
«Тобъ на Бога не сподѣваться,
Самый було пошановаться:
Знать було звычай мой,
Держать було розумъ свѣй,
Тобъ дѣвчино!»
«Я-жъ, ймала розумъ да за тобою утеряла,
Що на твои кары очи уповала.....»
«Уповала, дѣвчино, да не совсѣмъ,
Була любима ты усьмѣ.....
Теперь же съоставайся,

Съ кѣмъ хочь собѣ знайся:
Бо я не вѣзъму!»

Прим. Шановати (Нем. Schätzen.) почитать, шановаться — исправиться.

13.

«Охъ, израда, чорны брови израда!

Чѣму въ тебе, зrado, не вся щира правда?

Пустивъ еси славоньку такую:

Казавъ еси, сердце, що сватати буду, —

А теперя думаешъ, гадаешъ:

Яку собѣ, сердце, другу брати маешъ!

Ой хочь сънайдешъ на лице бѣлѣйшу, —

Такъ не сънайдешъ, сердце, на словахъ вѣриѣйшу.

Ой хочь сънайдешъ, съ чорными бровами:

Такъ не сънайдешъ; сердце, съ вѣрпыми словами!

Покинь милый, коня вороного,

Щобъ я не забула тебе молодого.»

«На що мила, коня покидати,

Коли мене любишъ, той такъ не забудешъ.»

Исправь милый, Черкесське сѣдельце,

Щобъ я не забула яке твое сердце.»

«На що мила, сѣдло исправляти,

Коли мене любишъ, той такъ не забудешъ!»

«Исправь милый, золоты удила,

Щобъ я твого коня до воды водила.»

«На що мила, золото теряти —

Будешъ моего коня съ вѣдра наповати.»

«Покинь милый, ты свой жупаночокъ

Щобъ не забула якій твой станочокъ.....»

«На що мила, жупанъ покидати,

Коли мене любишъ, той такъ не забудешъ.»

14.

«Лугомъ иду, коня веду,
Развивайся луже!
Сватай мене, козаченько,
Люблю тебѣ дуже.....
Ой хочъ сватай, хочъ не сватай,
Та хоть присылайся:
А щобъ слава не пропала,
Шо рѣкъ ты кохався.»

«Колибъ-же, ты дѣвчинонько,
Трошкы богатенька:
Взявъ бы тебе за рученьку,
Повѣвъ до батенька;
А то моя недоленська,
Шо ты убогонька:
Буде минѣ зла ругонька,
Отъ моего батѣнька.»

«Коли-бъ же я, козаченьку,
Трошкы богатенька,
Наплевала-бъ я на тебе
И твого батенька!
Ой пойду я подъ вишеньку,
Ажъ листъ опадає;
Жалуй мене, дружиненько, —
Милый покидае!» (*)

«Не журися, дѣвчинонько!
«Рута зелененька,
«Сей покине, — другій буде,
«Ще-жъ ты молоденька....
«Коли-бъ же ты, дѣвчинонько,

(*) Дѣвушка, получивъ отказъ отъ своего корыстолюбиваго любовника, прибегаетъ къ своей подругѣ — чаровницы или волшебницы. Слова, означенныя знакомъ » суть заклятіе послѣдней.

«Тогда за мужъ пойла
 «Якъ на битый дороженки
 «Яра-рута взойла....
 «Коли-бъ же, ты козаченьку,
 «Тогда оженився,
 «Якъ у млинѣ на камени,
 «Куколь уродився....»
 А девчина догадалась —
 Руту посыла;
 Дожди пойшли — рута взойшла,
 Дѣвка за мужъ выйшла.
 А у млинѣ на камени, —
 Куколь не вродився:
 Козакъ старый, якъ собака,
 А ще не женився!

Прим. *Трошки* — не много; *млинѣ* — мельница; *ругонька* — гнѣвъ, поруганіе.

16.

«Ой пій, мати, тую воду, що я наносила:
 Будь для того, мати, добра — що я полюбила.»
 «Ой не буду воды пити, буду розливати:
 Мимо мене полюбила — буду розлучати!»
 «Не розливай, мати, воды, бо тяжко носити:
 Не розлучай мене съ милымъ, не тебѣ съ нимъ жити.
 Тяжко мати, тяжко мати, ись тымъ буде жити,
 Ой якъ кого моѣ сердце: не хоче любити.
 Хочь бій, мати, хочь лай, мати, — то не розлюблюся:
 Лучче сгину съ горя бѣдна — нѣжъ съ нимъ розлучуся!»

Прим. *Лалти* (Сл.) — ругать.

17.

Очи мои кары,
Горе-жъ минъ съ вами !
Сусѣды близкіи, —
Вороги — тяжкіи :
Судите, гудите, —
А самы такіи !
Я дѣвчину люблю,
И любивши возьму :
И вскорости умру ;
А ты живи мила,
Не забувай мила :
Де моя могила.
Ой моя могила :
Да край Дунаю ,
Край Дунаечку ,
Тяжко на сердечку !....
Съѣйди на могилу ,
Не кидай землею :
Ой сама ты знаешь ,
Що важко пôдъ нею....
Съѣйди на могилу ,
Да не тузи дуже , —
Скажуть вороженьки :
«Любилися дуже !
Вѣрно любилися
Да не побралися .»
Только ворожеки
Да навтѣшалися !»

18.

Ой у полѣ криниченька : ключъ и ведро :
Да вже-жъ моей дѣвчиноньки давно не видно !

Ой жаль минъ буде ,
Возьмуть іи чужи люде ,
Не буде моя !

Ой у полѣ въ криниченьки , орлы воду пьють :
Да вжежъ мою дѣвчиноньку къ вѣнчанью ведуть !
Ой жаль и проч .

Одинъ веде за рученьку , другій за рукавъ , —
Трестій стоитъ , сердцемъ болить , —
Любивъ да не взявъ !....
Ой жаль и проч .

19.

Добрó було нашимъ батькамъ , па Українѣ жити :
А теперя досталося панщину робити .
Наступала чорна хмара , настала и сива : (*)
Нсотбуде сынъ за батька , а батько за сына !
Наступала сива хмара , настала и ряба .
Що не сгуляє у Добродѣя и старая баба !

20.

У Середу родиласл , охъ ! минъ горе ,
Не пойду я за старого бородою коле :
А пойду я за такого , що не має уса ,
Вонъ қивпє и моргне — то я засмѣюся .

21.

Дѣвчинонька по грибы ходила ,
У зеленымъ гаю заблудила ,

(*) См . Думу № 20.

Приблудилась де дубъ зелененький:
Ажъ тамъ стоить — гайдай молоденький!
«Ой гайдаю, выведи мене изъ гаю,
Бо справдѣ дороги не знаю!»
«Коли-бъ же ты, дороги не знала,
То-бъ ты мене гайдаешь не звала:
То-бъ ты мене серденькомъ назвала.»
«Помолюся я Святому Богу, —
Чи не съйду сама на дорогу;
Помолюся я Святои Причастѣ, —
Нехай ходить по грибы нечистый!»

Прим. Гай — (Инм. Hain.) лѣсь, роща; гайдай — лѣсничий.

КОМАРЬ.

22.

Сѣвъ комаръ на дубочку,
Склонивъ головочку па листочку;
Де взялися бури и вѣтры, и стучать,
И гурчать,
Комаря до долу мчать....
Ой тамъ тесли теслѣвали:

Комареви труну събудовали,
Дорогими сукнами окладали,
Золотыми цвяхами побивали:
Поховали комаря въ чистомъ полѣ,
Край дороженьки.
Ой идуть туда Цари и Папы:
«Ой що се лежить за покойникъ,
Чи Царь, чи Гетьманъ, чи полковникъ,
Чи съ чужои стороны чужестранецъ?»
«Се, не Царь, не Гетьманъ, не полковникъ,
Ни съ чужой стороны чужестранецъ;
Ой сё-жъ лежить комарище, —
Славного войська козачище!»

Прим. *Теслл* — плотникъ; *труна* — гробъ; *цвяхи* — гвоздь, будовати — строить.

23.

Одна изъ особенностей народной поэзіи Малороссія, — какъ Богемцевъ, и новѣйшихъ Грековъ — есть пѣсни, въ которыхъ предметомъ разговоровъ и дѣйствій составляютъ пернатыя, — ихъ можно справедливо назвать птичими. Для образца представляю три таковыхъ пѣсней и лучшій вариантъ чайки.

Г О Л У Б Ъ и Г О Л У Б К А.

=

Ой подумайтс, мысли, по моемъ безчастью,
Да долго минѣ жити у великой напасти?

Да минѣ въ сѣй напасти
По вѣкъ не пропасти....
По надъ рѣченъкою, по надъ быстренькою :
Ой тамъ сидить голубь съ голубкою:
Голубенько гуде, а голубка не знае,
Що голубъ іи покинути мае.
«Ты голубеньку сивый ,
Есть ты неправдивый :
Промовъ, сердце, словце ,
Съвесель моѣ сердце...»
«Ты голубко сива ,
Есть ты неправдива :
Съ великого жалю —
Я слова не мовлю !
Окипѣло сѣрдце червоною кровью...»
«Да голубеньку сивый ,
Есть ты неправдивый :
Я зѣлья добуду, —
Промовъ, сердце, словце , рада тобѣ буду.»
«Ой голубко сива, зѣлье не поможе, —
Коли милосердный не поможе Боже.»

Ж У Р А В Л Ъ.

24.

«Ой не ходи, журавлику ,
До озера пити :
Засѣдають да два Ляшенька ,
Хотять тебе убити.»

«Якъ-же минѣ до озера,
 Не ходити пити,
 Що тамъ у мене
 Да маленькии дѣти?
 Не ля минѣ излинути
 Дѣтей наглянути!
 Ой де балки,
 Тамъ рыбалки;
 Де байраки;
 То тамъ козаки.»

СОЛОВЕЙ.

—

25.

Шли козаченъки изъ Украины,
 Да кресали огонь изъ оружины,
 Да пустили пожаръ по долинѣ,
 Соловейковы дѣтки попалили.
 Якъ же соловѣйку безъ дѣтины:
 То такъ козаченъку на чужбинѣ!

ЧАЙКА.

=

26.

Ой бѣда чайцѣ,
Чайцѣ небозѣ:
Що вывела дѣтки ,
При битый дорозѣ.

Киги ! Киги ! сълетѣши въ гору ,
Прійшлось втопиться въ Чорному морю !

Жито поспѣло ,
Приспѣло дѣло ,
Идуть женци жати ,
Дѣтокъ забирати.

Киги ! Киги ! ...
Дѣти мои , дѣти !
Де васть подѣти ?
Чи минѣ втопиться ,
Чи съ горя убиться ?

Киги ! Киги ! ...
И куликъ чайку ,
Взявъ за чубайку !
Чайка кигиче :
«Сгинь ты , куличе ! »
Киги ! Киги ! ...
И бугай : « бугу ! »
Гне съ лозы дугу :
« Не кричи чайко ,
Повѣшу въ лугу ! ... »
Киги ! Киги ! ...

«Якъ не кричти,
 Якъ не лѣтати!
 Дѣтки малѣньки —
 А я ихъ мати!...»
 Киги! Киги! сълетѣвши въ гору
 Прійшлось втопиться въ Чорному морю

КОСИЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

=

27.

Ой горе, горс, не кошene поле,
 Велике поле — да косить его горе;
 Ой найму, найму, косарикоўъ четырѣ,
 Щобъ моѣ поле гладенько искоили,
 Косарики косать и вѣтеръ повѣвае:
 Де-сь мой миленький съ иншими розмовляе,
 Ой пойду я водици до криници, —
 Ажъ тамъ мой миленький цѣлую молодици:
 «Ой годъ! милый, молодиць цѣловати,
 Ходимо-жъ мы вечеру вечеряти.»
 Вечеряй мила, коли-жъ ты наварила,
 А я пойду де дѣвка чорнобрѣва.»
 «Вечерялѣ-бъ тебе, лихая година:
 Шо чужа мила, хорѣша, чорнобрива!»

ОБРЯДНЫЯ ПѢСНИ.

=

ПЕТРОВКА.

=

1.

Малая нôчка Петрôвочка
Да не выспалася наша дъвочка,
Не выспалася, не нагулялася,
Пришла до дому батька боллася:
«Ой дубровна зузеленько, не куй рано у добровъ,
Несбуди-жъ мене молодои:
Избудять мене ранній тебе (*),
«Устань, невъхно, неработнице,
У моёмъ домѣ, не кукольнице,
Уже коровы у добровъ,
Уже овечечки у чистому полѣ,
Уже и плугатери у толоцѣ,
Уже и твой миленький по томъ боцѣ:
Да не переплести,
Ни перебрести,

(*) Девушка разговаривает съ кукушкою, какъ ее рано будеть разбуживать будущая ея свекровь.

Ни рученьку дати, утопати. —»
 «А ты доненъко (*), знай отгадати :
 Що я не уточка упоринати ,
 Съ лёдомъ воды доставати !»

КОЛЯДЫ.

2.

Ой заказапо и зарадано ,
 Святый вечоръ ! или Славенъ еси нашъ милый Боже !
 Всъмъ козаченькамъ у войсько итти :
 Папу (**).....ку короговъ нести ;
 А у его ненька ,
 Вельми старенька ,
 Выпроводжала
 И научала :
 «Ой сыне мой, сынку !
 Не попережай у передъ войська ,
 И не оставайся позадъ войська :
 Держися войська — все середняго
 И козаченька все статечного .»
 Молодый..... ко непослушавъ непи своей ,
 У передъ войська конемъ играе ,

(*) На эти злословные слова свекрови, родная мать будущей невестки научаетъ ее, какой должно дать на это отвѣтъ. Свекровая, какъ видѣли, чтобы сбудить скорѣе свою невестку, говорить, что мужъ ея утончашь.

(**) Вставляется имя, въ честь кого поютъ коляду.

А позадъ вѣйська мечемъ махае.
Углине, се, самъ царь на кресль:
«Ой колибъ я знаявъ,
Чий то сынъ гулявъ:
То я-бъ за ёго, свою дочь отдавъ,
Половину царства ему бы отдавъ.»

рим. *Ненл* — мать.

3.

Изъ-за горы, изъ за каменнои,
Святый вечеръ!
Да вѣттоль высупа велике вѣйсько,
А по переду панъко идѣ
Панъко идѣ, коцика ведѣ,
Хвалится конемъ передъ королемъ, —
Да нема у короля токого коня,
Якъ у нашего Панака.
Хвалится стрѣлою
Передъ дружиною;
Да нема у дружины, —
Такои стрѣлы,
Якъ у нашего Панака.
Хвалится лукомъ
Передъ гайдукомъ, —
Да нема у гайдука,
Такого лука,
Якъ у нашего Панака.
Да бувай же здоровъ, Панеку!
Да не самъ собою,
Съ отцемъ съ матерью:

Со всемъ родомъ
Живите съ Богомъ.

Прим. Гайдуки, было въ древности название пышаго войска Королей Польскихъ, такъ какъ козаки составляли конное.

3.

Ой рано, рано, куры запѣли
Святый вечеръ!
А ще ранише Панъко вставъ ,
Лучкомъ забрящавъ ,
Братьевъ побужавъ :
« Да вставайте , братья, кони сѣдлайте ,
Кони сѣдлайте, хорты скликайте :
Да пойдемъ въ чистее поле, на прогуллье ,
На розгляданье.
Да найдемо , братья, куну въ деревъ ,
Дѣвку въ теремъ.....
Отъ-се вамъ , братья , — куна въ деревъ ,
А минъ, братья , — дѣвка въ теремъ.

Прим. Хортъ (сл.) борзая собака или вообще охотчая.

4.

Ой лсна, красна, калина у лузъ ,
А ще краснѣйша (*)..... а у домъ ,
По двору ходить ,
Якъ заря сходить ;

(*) Имя дѣвушки, которой поется Коляда.

Въ сѣночки вѣйша.

Якъ зоря зашла.

Въ свѣтлоныку вѣйша — Паны вставають,
Шапки иснимаютъ, еи пытають:
«Чи ты царевна, чи королевна?»
Якова дочка,чка.»

ЩЕДРОВКА.

5.

Ой сѣвъ Христосъ вечеряти,
Добрый вечеръ, щедрый вечеръ!

Добрымъ людямъ

На здоровье!

Пришла къ нему Божа мати:

«Сѣдай мати вечеряти.»

«Да спасибо, сыну, за сю вечерину,

Отдай, сыну, райски ключи:

Отомкнути рай и пекло,

Выпустити грѣшны души;

Толькѣ одноєи не пустити,

Бо та душа согрѣшила:

Отца и матку наляяла,

Вона ихъ наляяла и не подобала.»

ПѢСНЯ КУПАЛА.

=

6.

Да стоять кони да посѣданы ,
 Иваше, Ивашечку !
 Постѣданы, позанузданы
 Толькô сѣсти да поѣхати ,
 За границу по вдовицю :
 А вдовицю легко брати ,
 Легко брати — важко жити ,
 Да стоять кони да посѣданы ,
 Постѣданы, позанузданы ;
 Толькô сѣсти да поѣхати ,
 За гороньку да по дѣвоньку :
 А дѣвоньку важко брати ,
 Важко брати — легко жити .

Прим. На Малор. вессельяхъ, или сватьбахъ, невѣсту, еще не бывшую замужемъ, обыкновенно берутъ послѣ пародіи небольшаго сраженія, въ старину доходило оно до портночнаго бол.

=====

С ВАДЕБНЫЯ:

==

7.

Теперь у насъ да дѣвичъ—вечоръ,
Рано, рано, да дѣвичъ — вечоръ, — хороше изряженъ,
Да не такъ изряженъ, якъ обсаженъ :
У три стѣны каменныи, четвертая золотая ,
 А на той стѣнѣ теремъ стоить ,
 А на теремочку маковочка ,
 А на маковочцѣ ластовочка :
 Да свела гнѣздечко съ черного шовку ,
 Да вывели дѣтки — однолѣтки , —
Перво, дѣятако молодый Иvasикъ (*)
 А друге, дѣятако молода Марусенька.

8.

Слала зоря до мѣсяца :
«Ой мѣсяциу, мой товаришу !
Не зыходь ты, раній мене ,
И зойдемо обое разомъ ,
Освѣтимо небо и землю , —
Срадуется звѣрь у полѣ, гость у дорозѣ.
Слала Марусечка да до Ивасечка :
«Ой Ивасе! мой суженый ,

(*) Имена вставляются какія имѣютъ новобрачные.

Не съдай на посаду раній мене ,
 Обсадимо обое разомъ :
 Съвеселимо два двора разомъ ,
 Ой первый двръ , батька твого ,
 А другій двръ , батька мого .

9.

(Поютъ передъ вечерею, или ужиномъ)
 «Зеленая лубровонько, чemu не шумиши ,
 Приставлена капустонько, чemu не кипиши ,
 Осмалепый селезень, чemu не летиши ?»
 «Колибъ я не рубана , тобъ я шумѣла ,
 Колибъ-же я приставлена — тобъ я кипѣла ,
 Колибъ я не смаленый — тобъ я полетѣвъ :
 Полетѣвъ бы я, да до Кіева ,
 Ой съвъ бы я крамомъ крамовати ,
 Объцявся-бъ всѣмъ друженыкамъ по пѣрстнику дати
 А молодои Марусеньки черевички :
 Бо у неи пожки певелички .»

10.

Старша дружечко ,
 Подивися у окошечко :
 Чи wysoko сонечко на небѣ ,
 Чи богато болръ на дворъ ?»
 «Богато, не богато, только всѣхъ ,
 Красчій Ивасикъ ото всѣхъ .»
 «Ой вы болре ! ясныи соколоньки ,
 Чомъ же вы до нась не рано прїехали ?
 Чи вы бояре кониковъ добували ,
 Чи вы болре жупановъ позычали ?»

«Ой вы дружечки! сивыи голубочки :
У нась коники посъданы столли,
У нась жупаны побганы лежали, —
То у Ивасечка, ласковый Паньотченко,
Забаривъ нась, ласковыми словами ,
Наповавъ нась, солодкими медами ,
Прохавъ нась, прозъбою и грозъбою , —
Щобъ мы привезли Марусеньку съ собою.»

11.

Плѣве утонька, безъ утиняты ,
На море почевати ,
А проти си сизый селезень ,
Съ черными косицями :
«Ой постой , утко !
Да не пливи хутко ,
Щось тебѣ за вѣсть скажу :
Бувъ я на ставку ,
Чувъ я славоньку —
И про тебе , сира утонько !
Да плетуть сѣтки
Да на твои дѣтки —
И на тебе , сира утонько !»
«Да нехай же плетуть
И приплѣтують :
Я-жъ того не боюся !
Я на дно порну ,
И сѣти порву ,
И дѣточокъ повыпускаю .»
Идуть дружечки ,
У два рядочка ,
А Марусечка по переду ;

Проти неи молодый Ивасечко,
Съ своими боярами :
«Ой постой, постой, молода Марусечко !
Щось тобъ за вѣсть скажу :
Бувъ я на мѣстѣ ,
Чувъ-же я вѣсти —
И про тебе молода Марусечко !
Да купують чепци ,
И кибалочки ,
Да на твою головочку .»
«Да нехай купаютъ ,
Да нехай торгуютъ :
Я-жъ того не боюся ,
Я у падѣлоныку, да у вечерѣ
Я у тес, приберуся .»

12..

(Послѣ похищенія, когда невѣсту везутъ въ домъ жениха).

Свѣтите зороньки подъ нами ,
Да пляшите коничепьки подъ нами ,
Уже наша Марусенька съ нами !

13.

Выйди , матенько , огледи ,
Що тобъ бояре привезли :
Да привезли скрыню и перину
И молодую Княгиню .

14.

(При воротахъ дома женихова раскладываютъ огонь :
чрезъ него должно перѣхать невѣсть и ёя поѣзду ,
или экипажамъ ; въ это время поютъ) :

Ой кони , наши вороны !
Чи чуete на силу ?
Чи съvezете Княгиню ,
Да на тую гброньку крутую ,
Да у тую свѣтлоньку новую ,
А у той свѣтлоньцѣ медъ , вино , пьють :
Да вже жь нашу Марусеньку давно ждутъ .

15.

Мати Маруненъку родила ,
Мѣсяцемъ обгородила ,
Солнечкомъ подперезала :
До свекорка выпровожала .

16.

Рысью , кониченъки ; рысью ,
Ѣдемо съ корыстью ;
Да веземо да корыстоньку :
Молодую ла невѣстоньку .

17.

Да казали Марусенька нѣ пряха ,
А іи матинька не ткаха :

Ажъ вона раненько вставала .
 Тонкіи рушнички напряла ,
 У тихого Дуная бѣлила , —
 Молодыхъ бояръ дарила .

18.

Пойду я до Дунаю ,
 Стану полумайо ,
 Да чи минѣ да воду брати ,
 А чи минѣ коровай брати ?

19.

Засвѣти , Боже , изъ Раю ,
 Нашему короваю :
 Щѣбъ було виднесенько ,
 Краяти дронесенько ,

20.

Не бойся , матинко , не бойся ,
 Въ чорвоной чоботеньки обуйся :
 Топчи вороги подъ ноги ,
 А супостаты — подъ пяты .

* Прим. Описание полной Малороссийской свадьбы, со всеми ея пѣснями и обрядами, составило бы цѣлый томъ. Желательно, чтобы кто издалъ хотя краткое обѣ ней сочиненіе, съ помѣщеніемъ важнейшихъ пѣсней, обрадовъ, и указаніемъ въ которомъ именно мѣстѣ она списана. Несколько таковыхъ описаній, въ разныхъ сторонахъ Южной Россіи сдѣланы, да и бы, памъ точное понятіе объ этомъ примѣчательномъ обрядѣ Русиновъ.

ЗАКЛИНАНІЯ.

=

Вотъ еще довольно любопытный предметъ. Подъ этимъ именемъ должно разумѣть всѣ «шептанія и замовлянія» отъ различныхъ болѣзней и случаевъ. Въ Малороссіи есть для этого особенный классъ людей, известныхъ подъ именемъ «захорей и захорокъ». Все ихъ медицинское знаніе преимущественно основано на таинственныхъ словахъ, сплевываніемъ, дуновеніемъ на больное мѣсто и вожденіемъ на воздухъ руками — точно такъ, какъ это дѣлаютъ нынѣшие магнетизеры; «потожая и иеночатая» вода составляетъ важнѣйшую принадлежность, въ которую они обыкновенно обмакиваютъ пальцы. Отъ ихъ пациентовъ я слыхивалъ, что не рѣдко болѣзнь, которою они страдали — вдругъ миновала, но за то она переходила на заклинателя, или захоря, приходившаго въ такое разслабленіе, что совершенно лишился чувствъ. Это особенно бываетъ въ болѣзняхъ, известныхъ подъ именемъ «пристрѣта», которой я не могу перевести — онъ происходит отъ недобрыхъ глазъ или «урока». Сіи шептанія составляютъ большую тайну, захоры уверены, что если ихъ рассказать другимъ, то они теряютъ свою цѣлебную силу. Только на смертномъ одрѣ захоръ открываетъ ее своему сыну или ближайшему родственнику; посвященный въ это таинство принимаетъ званіе своего учителя. Едва ли должно доказывать, что это суть остатки древняго кудесничества; что захоры по прямой линіи нисходятъ отъ языческихъ жрецовъ; самыя шепта-

нія ихъ есть ничто другое, какъ, искаженные временемъ, языческіе гимны, въ которыхъ имена міѳологическія замѣнены именами изъ Христіанской религіи; нерѣдко къ нимъ прилагаются и имена лицъ историческихъ. Въ этихъ заклинаніяхъ видѣнъ метръ, смѣшанный съ новѣйшею риѳмою, и древнія неудобопонятныя Славянскія слова — перемѣшаны съ Малороссійскимъ нарѣчіемъ. Для образца представляю одинъ примѣръ, не составляя какъ другія заповѣдной тайны, его можно было легко достать. Желательно, чтобы кто собралъ ихъ болѣе; не мѣшало бы въ этомъ случаѣ воспользоваться требникомъ Митрополита Петра Mogилы, изданномъ въ Киевѣ, въ началѣ XVII вѣка; тамъ почти на всѣ образцы этихъ заклинаній и волшебствъ находятся антизаклятія; въ его время, по преданию народному, сожигали несчастныхъ захорей и пробивали насѣвъз грудь осинными клипьями всѣмъ волкулакамъ (*Loup-garou*), упырямъ (*Vampire*) и вѣдьмамъ.

ОТЪ БОЛИ ЗУБОВЪ.

Мѣсяцю, молодый Княже! (или мѣсяцю младенче)!

Чи бувавъ ты у старого?

Чи пытавъ ты его — чи болѣли у его зубы?

Щобъ у мене вѣкъ вѣкомъ

И судъ судомъ — зубы не болѣли:

Заець у полѣ, а рыба у морѣ, мѣсяцъ на небѣ,

(Или мѣсяцъ на небѣ, камень у морѣ, дубъ въ лѣсѣ).

Коли будуть три брата, и вкупѣ гуляти;

То тогдѣ у мене будуть зубы болѣти.

ОТДѢЛЕНИЕ II.

**ЧЕРВОНОРУССКАЯ
ДУМЫ и ПѢСНИ.**

2012年1月2日

2012年1月2日

2012年1月2日

Вотъ уже пять вѣковъ какъ Галиція или Червоная Русь чужда своему отечеству — остальной Россіи. Въ продолженіи этого периода, она, подобно всѣмъ завоеваннымъ землямъ, испытала приливъ иноземцевъ. Поляки, какъ господствующій народъ, сотнями тысячъ поселились въ нѣдрахъ ея; они успѣли уничтожить или обратить въ Католицизмъ древніе боярскіе роды, искоренить Православіе, ввести на письмѣ свой языкъ, свои законы, и прибрать во власть свою всю недвижимую собственность Галичанъ, такъ что простой народъ не имѣть и сажени земли Русской въ своемъ владѣніи, — она вся Польская, панская. Червоноруссы въ своей родинѣ какъ бы не существуютъ; живя въ Галиціи, вы никогда не услышите и даже не будете подозрѣвать, что находитесь въ Руси; въ высшихъ и среднихъ ея со словіяхъ одно только заграничное, чуждое имени Русскому; но ступите къ самому нижкому сословію Галиціи — къ поселянамъ, снискивающимъ свое существованіе въ поть лица на земль чанской, — вы въ минуту перенесетесь въ Южную Россію, въ Малороссію. Червоноруссы, не взирая на безконечное свое инонлеменное подданство, которое переносятъ съ терпѣніемъ, — сохраняютъ по сю пору привязанность къ своему, происхожденію и имени и слѣдовательно и къ Россіи; Украина, Малороссія, есть для ихъ сердца обѣтованная земля, куда стремятся всѣ ихъ помыслы и думы. Съ

какою заботливостію Галичанинъ распрашиваетъ затѣжаго изъ Россіи гостя, о судьбѣ своихъ братьевъ Українцевъ, онъ съ радостію раздѣлить съ нимъ свою убогую трапезу, чтобы узнать, что новаго объ Украинскихъ Козакахъ! Кто бы повѣрилъ, что Галицкій пастухъ знаетъ гораздо болѣе думъ о герояхъ Україны и ея исторіо, нежели посѣдѣлый Малороссійскій Козакъ. Онъ гордится подвигами Малороссіянъ, какъ своими собственными. Онъ радуется ихъ счастію и успѣхамъ и тужить въ прекрасныхъ своихъ пѣсняхъ «о пригодѣ Козацької». Прочитайте со вниманіемъ Галицкія пѣсни, въ нихъ — если молодой Червонорусецъ хочетъ понравиться своимъ красавицамъ — то говорить, что онъ Козакъ изъ Україны и Козакъ «зъ роду»; въ одной пѣснѣ, мать описываетъ своей дочери богатства Україны и ея Козаковъ — враговъ Полякамъ, журить ее, чтобы она не любила «Ляховъ», а Козаковъ; въ другой, девушка умираетъ за любезнымъ ея «Козаченькомъ»; въ третьей, жена грозить своему мужу, что она оставитъ его и пойдетъ «на Україну съ дѣтьми на свободу»; въ четвертой, описываются похороны Козака и пр. и пр. Но важнѣйшая изъ пѣсень Червонорусцовъ — это есть, безъ сомнѣнія, Малороссійскія думы; известно что содержаніе ихъ есть исторія Южныхъ Русиновъ противъ угнетителей своихъ Поляковъ. Въ XVII вѣкѣ, во времія этой ужасной борьбы, вся Южная Россія пришла въ движение, болѣе 200,000 воиновъ было подъ знаменемъ Хмельницкаго, въ короткое время народъ истребилъ Поляковъ въ обѣихъ Украинахъ и Подолѣ; въ Бѣлоруссіи и Волынѣ также началось страшное кровопролитіе, тамъ было уже Козаки приялись за «Ляховъ» и «Жидовъ». Галиція ждала только избавителей; вско-

рѣ перуны Хмельницкаго достигли Сборова, и жи-
тели этого Галицкаго города были явно на сторонѣ
Гетьмана Малороссійскаго.... Должно замѣтить, что сія
война Южной Россіи не имѣла ничего общаго съ обык-
новенными нынѣшними войнами; нѣтъ, она должна
была рѣшить великий вопросъ: или Южная Россія дол-
жна была, *совершенно* освободиться отъ ига Поляковъ,
подобно какъ съверная ея сестра отъ ига Татарскаго;
или же навсегда остаться подъ вліяніемъ и владѣніемъ
Польскаго шляхетства, какъ его исключительная соб-
ственность. Если-бы такъ рано не умеръ Хмельниц-
кій или даль по себѣ Руси достойнаго пріемника, —
тогда бы отъ Сейма до Вислы и горъ Карпатскихъ,
не осталось бы не одного Поляка, они всѣ бы
изгнали въ Польшу, точно такъ, какъ судьба ихъ по-
стигла въ Малороссіи вмѣсть въ Унію и Жидами....
и Южная Россія воскресла бы послѣ четырехъ вѣкова-
го униженія — во всемъ своемъ величіи. Но предо-
предъленія судебъ недовѣдомы, — все рушилось по-
слѣ Хмельницкаго! Кому не известно, что Киевская и
Подольская губерніи, составлявшія нѣкогда нераздѣль-
ную часть Малороссіи, подпавъ во власть Польши,
испытали надъ собою страшную месть Польской ари-
стократіи, въ нихъ Малороссійскіе Козачьи полки, или
среднее сословіе Руси, съ ея шляхетствомъ и даже Пра-
вославіе, должны были исчезнуть.... Эти два сословія
умирали въ пыткахъ или съ мечемъ въ рукахъ — Же-
лезнякъ^(*), Гонта, Бѣлуга, Сокорока, Бондаренко
(1770 — 1775) суть послѣдніе ихъ мученики; Амфете-
тичное право (1775), послѣдовавшее вскорѣ по уни-

^(*) «Память Железника», несмотря на возгласы «иностраницъ» всегда будетъ священна для Малороссіянъ.

чтожеши Запорожской сѣчи, довершено торжество Польскаго шляхетства, и паденіе этой части Малороссіи — истишной «Русской земли». Послѣ этого небольшаго вступленія, читатели вѣроятно не удивятся, найдя почти во всѣхъ Галицкихъ думахъ и «парубочихъ пѣсняхъ» всегдашнее обращеніе къ милой для нихъ Украинѣ и Украинскимъ Козакамъ; и какъ не уважать до восторга Малороссіянъ, когда они осмѣлились вооружиться противъ Поляковъ — сихъ вѣчныхъ угнетителей и арендаторей Галичанъ? Вотъ почему Червонорусцы усвоили себѣ думы Малороссіянъ, между тѣмъ какъ послѣдніе, счастливые ихъ собратія, давно ихъ забыли. Голоса древнихъ думъ Малороссіи проникаютъ душу какимъ-то неизъяснимо томнымъ впечатлѣніемъ, они соединяютъ въ себѣ и тоску по родинѣ и неукротимую месть Славянина, когда его несчастія прешли мѣру человѣческаго терпѣнія. Сіи шестистопныя и даже восьмистопныя пѣсни исходятъ изъ широкой груди Русина такъ гибко, такъ мелодически, какъ будто самые нѣжные романсы Жуковскаго или Пушкина; въ нихъ различаемъ и тихій плач матери и сестры о своемъ сынѣ и братѣ, и раскаты грома изъ пушекъ и самопаловъ, и вопль сражающихся, гдѣ «Ляцкая кровь» течеть рѣками. Къ сожалѣнію ни одна изъ нашихъ думъ не переложена на ноты. Галичане и понынѣ не забываютъ голосовъ этихъ волшебныхъ эпопей, и понынѣ онъ приводятъ въ сотрясеніе ихъ души! Справедливо Малороссійскіе бандуристы говорятъ, что слава не умретъ и не поляжетъ.....

Я думаю пріятно будетъ узнать моимъ читателямъ, что въ Лембергѣ (въ Львовѣ) и въ Черемышльѣ несколько добрыхъ Ушатскихъ патеровъ, которые еще

не стыдятся носить имя: Русское, «вздумали воскресить въ Галиціи народное слово», и, въ послѣднее время, благодаря покровительству Австрійского правительства, показались нѣсколько сочиненій на Малороссійскомъ нарѣчіи; — но къ сожалѣнію должно замѣтить, что основаніемъ ему взять Польскій языкъ и Перемышльское нарѣчіе, болѣе всѣхъ прочихъ пострадавшее отъ Полонизмовъ; къ чему бы Гг. сочинителямъ не спуститься «къ простой рѣчи» восточнаго Червонорусскаго діалекта, въ которомъ еще сохраняется чистота Кіево-Русскаго нарѣчія? Безъ сомнѣнія другій важнѣйший причины препятствуютъ Патерамъ изъясняться съ своими прихожанами природнымъ и прекраснымъ языкомъ своихъ праотцевъ. Мы уже выше замѣтили отношеніе Червонорусцевъ къ своей собственной родинѣ, — они во всякомъ случаѣ должны покоряться направлению, какое даютъ имъ ихъ повелители.

Червоной Руси въ Галиціи простирается за три миллиона, многіе изъ нихъ исповѣдуютъ Римско-Католическую вѣру, другіе Унію; нравы и обычаи ихъ ни сколько не разнятся отъ Малороссіянъ; нарѣчіе ихъ есть также Малороссійское. И потому, при чтеніи Галицкихъ пѣсень, въ выговорѣ должно соблюдать тѣ же правила, какія я уже изъяснилъ при Малороссійскихъ пѣсняхъ.

Всѣ Галицкія пѣсни я заимствовалъ изъ собранія, вышедшаго въ Лембергѣ, въ 1833 году, подъ заглавіемъ: *Piesni Polskie i Ruskie ludu Galicyiskiego*. Изд. Г. Вацлавомъ. Вотъ образчикъ его правописанія Галицкихъ пѣсень:

Oj znaty, znaty, kto koho lubyt,
Bliżko sidaje i prihołubit.

Hrymnula szezuka rybońka na mori,
Prypłylo zoloto i serebro do berehu.

Ne chody Hryciu na weczernyciu,
Bo weczernyci wsi czariwnyci.

Я пишу:

Ой знати , знати , кто кого любить ,
Близко съдае и приголубить .

Громнула щука рыбонька на морѣ ,
Приплило золото и серебро до берегу .

Не ходи , Грицю , на вечерницю ,
Бо въ вечерницѣ всѣ чаровницы .

Недавно во Львовѣ вышло новое собрание Червонорусскихъ пѣсней , въ которомъ весьма много Малороссійскихъ думъ ; я однакожъ не могъ его достать .

НЕЧАЙ.

1.

Въ чистымъ полѣ, при тихимъ Дунаю,
 Крикнувъ Козакъ на Нечая: «втѣкаймо Нечаю!»
 «Якъ я маю Козакъ Нечай съводси утѣкати,
 Славу свою Козацькую марне потеряти.....»
 «А я тебе, м旤й Нечаю, не убезпечаю,
 Держи собѣ кониченька для свого звычаю;
 А я тебе, м旤й Нечаю, не убезпечаю,
 Держи собѣ шабелочку та пôдъ опончёю;
 Коли тебе Ляхи будуть, Нечаю, рубати,
 Щобъ-бысь ся мавъ, м旤й Нечаю, чёмъ оброняти.»
 Ой алежбо Козакъ Нечай на тое не дбае,
 Тай съ кумою и съ любою медью, вино кружае:
 Бо поставивъ Козакъ Нечай три сторожи въ мѣстѣ,
 А самъ пошёвъ до кумоньки щуки рибы всти.
 Погляненіе въ кватыроньку ровно Ляховъ въ мѣстѣ.
 Ой съпогляненіе Козакъ Нечай за тихой воды,
 Иде Ляховъ сорокъ тысячъ хорошой вроды:
 «А я Козакъ молоденький Ляховъ не боюся,
 Маюжъ-бо я козаченьковъ, да обронюся!»
 Ой якъ крикне Козакъ Нечай на хлопца малого:
 Кульбачъ хлопче, кульбачъ малый, коша вороного,
 Минъ вороного, собѣ буланого,
 Геть, вырѣжемъ вражихъ Ляховъ, геть шо до единого,

Не встигнувъ Козакъ Нечай на коника всѣти,
 Огляне-ся назадъ себе а вже Ляхи въ мѣстѣ;
 Ой якъ стисне Козакъ Нечай коня острогами:
 За нимъ Ляховъ сорокъ тысячъ съ юными шаблями;
 Ой якъ вѣзьме Козакъ Нечай вѣтъ башты до башты
 Вражихъ Лякѣвъ, якъ бы снопы, по три ряды класти,
 Ой обернє Нечай коня на лѣвое плечѣ,
 За пимъ, за нимъ кривал, быстра рѣчка течѣ;
 Ой обернє Нечай коня на правую руку,
 Не выскочивъ Нечаевъ конь изъ Ляцкого трупу;
 Ударивъ ся Козакъ Нечай по полахъ руками,
 Куда гляне, туда гряне, тече кровь рѣками;
 Ударився Козакъ Нечай по полахъ рукою:
 Ой прійдеся розлучити съ дѣтьми и женою;
 Ой поткнувшись Нечаевъ конь на малу тычину;
 Пойнявъ его Панъ Потоцкій, съ коня за чунрину:
 Ой чи той-то хмель, що по деревѣ вѣстися?
 Ой чи той-то Козакъ Нечай, що съ Ляхами бѣтися?
 Ой той-то самой хмель, що по деревѣ вѣдися;
 Ой той-то самъ Козакъ Нечай, що съ Ляхами бѣтися;
 А де-жъ твои, Нечаенку, скарбовыи конц?
 «Ой въ мѣстечку Берестечку стоять на выгонѣ,
 А де-жъ твои, Нечаенку, скарбовыи возы?
 «Ой въ мѣстечку Берестечку стоять на задозѣ»;
 А де-жъ твои, Нечаенку, дѣтеньки тай жена?
 Въ самимъ мѣстѣ Берестечкѣ седять собѣ дома.
 Да который козаченько буде зъ васъ у мѣстѣ?
 Поклонитися мої женѣ, нещастной невѣстѣ,
 За часъ, за годину, за малу хвилину;
 Качается Нечаска голова по рынку;
 Ой не дбали вражи Ляхи на козацьку вроду;
 Рвали тѣло по кавалку, пускали на воду;

— о биску ѹбою , овсеною , ани
тінкою о , она дѣтъ ... токі . ляхине землія , да

—
—
—
—
—

РОМАНЪ.

—
—
—
—
—

2.

На зеленымъ цариночку
Пили Турки горѣлочкиу,
Пили , пили , подпивали ,
А Романа подмавляли :
«Ой Романе , Романочку !
Продай сестру Оленочку :
За коники вороны ,
И за сѣда серебныи .
За уздела шовковыи ,
И за станли золотыи ,
За талеры незмѣренныи .
Прійшовъ Романъ до домочку ,
Склонивъ на столъ головочку , —
Дай гадае си думочку ,
Чи продати Олсночку.....
«Ой Олено , сестро моя !
Помой дворы мостовыи ,
Застель склы кѣдровыи ,
Помой миски серебныи ,
И ложочки золотыи ».
Вышла она на подворье
И дивитъся въ чистѣ поле .
«Ой Романе , Романочку !

Що то въ полѣ за дымове,
 Чи то вѣрлы крыльями ел бѣять ,
 Чи овчари зъ турмы гонять?.....
 «Ой Олею, сестро моя!»
 Ни то вѣрлы крыльми ся бѣять ,
 Ни овчари зъ турмы гонять:
 Лешь то Турки и Татары ,
 А вси твои суть бояры.»
 До свѣтлицѣ хутко впала :
 Мечъ вхопила шую сѣтила.....
 «Ой Олею, сестро моя!
 На що ты ся уродила ,
 На що собѣ шую сѣтила?»
 «Лучшетутка погибати ,
 Нѣжъ съ Татармы пробувати!»

КОЗУБАЙ.

3.

Выберався Козубай на вѣйну съ Ляхами ,
 Взявъ съ собою самопаль и лукъ со стрѣлами ,
 Взявъ съ собою вороного, коня своего вѣйскового ,
 Шаблю и съ похвою, флашку съ горѣвкою.
 Ажъ прїехавъ пѣдъ Бѣлую-церквь на самую стражу ,
 Горѣвки имъ не стало , кепско сердце устало ,
 Думаютъ съ собою , якъ пойдуть до бою.

Прійшовъ къ нему Федъкó и Иванъ стрыечный ,
 Напився горѣвки Козубай безпечный :
 «Стойте, братія молоды; не бойтесь страховъ ,
 Я самъ влѣзу на вербу, на проклятыхъ Ляховъ ,
 На вербъ ушикую и самопалъ выриштую ,
 Будемъ Ляховъ брати, за руки вязати. »
 Прійшовъ къ нему Федъкó Цюра, дай го бье ,
 А вжежъ мой Козубай не жье ;
 Заплакавши Федъко собѣ :
 «Свини було пасти тобъ
 А не воевати ,
 Жалю додавати. »

Прим. Кепско — глупо (Пол.); ушикать — расположиться; вырештовать — пристроить, вымѣрить. Кажется, последние стихи этой пародии, суть новѣйшаго сочиненія.

ДОРОШЪ.

4.

Ой по-пôдъ гаемъ зелененькимъ ;
 Хόдить Дорошъ молоденький ,
 Тай на нôжку налегае ,
 Топôрцемъ ся пôдпирае ,
 Тай на хлопци въ поклыкае :
 «Ой вы хлопци, вы молодцы !
 Поѣдемо вси вразъ въ гости ,
 Уставайте вси раненько ,

Уберайтесь борзенько :
 У постылы скбряныи ,
 И волоки шовковыи , (*)
 Бо пойдемо на вечёрки
 До Стефановои жёнки .»

«Ой Дорошу , ты пане нашъ ,
 Тамъ пригода буде на нась .»

«Но , на мене уважайте
 По двѣ кули набивайте.....

Станьте хлопци подъ ворота ,
 А я поду подъ вѣконице ,
 Чи спишь моё любе сердце :
 «Чи спишь , сердце , то чи чуешь ,
 Чи Дороша заночуешь ?.....

Чи спишь , сердце , та чи чуешь ,
 Ой чи сама ты ночуешь ?»

«Ой я не спю , та все чую ,
 Розбйника не съночую .

Ой я не спю , но все чую , —
 Бѣ вѣчреньку готову ;
 Лешъ нема Стефана въ дома ,
 Ще вечеря не готова , —
 Буде она дуже пыльна ,
 И всимъ людямъ буде дивна.....»

«Чи ся кажешь добувати
 Чи будешь сама отвыряти ?»

«Не кажуся дубовати ,
 И не поду отвыряти.....»

«Пусти , суко , вразъ до хаты ,
 Щобъ двери не вывалити !»

«Въ мене двери тисовыи
 Въ мене замки сталёвыи.....»

(*) См. Малор. думу № 10 и примѣчаніе къ пей.

«Не поможуть замки твои ,
 Якъ подложу плечи свои.»
 Взявшся Дорошъ добувати ,
 Взяли замки вѣтлѣтати ;
 Скоро Дорошъ двери вхиливъ ,
 Заразъ Стефанъ въ сердце стрѣливъ.....
 Йще вставъ Дорошъ , выйшовъ изъ хаты :
 «Треба хлопци утѣкати ,
 Приблизиться ближе къ менѣ ,
 Ой якъ-же тяженко менѣ ,
 Возьмить мене на топоры ,
 Занесить мя въ сини горы ,
 Въ сини горы занесить мя ,
 Най ся Ляхи не събѣдкуютъ ,
 Мое тѣло не чвертують .
 «Ой Дорошу , ты пане нашъ ,
 Велика пригода на насть ;
 Де-жъ мы будемъ зимовати
 Тото лѣто лѣтовати ?
 Пощли бы мы въ Угорщину ,
 Въ далекую Украину ,
 Но и тамъ мы зле съробили ,
 И тамъ мы си препіодили :
 Бо хотѣли Царя вбити ,
 А Царицю съ бою взяти.....»
 «Ой будемо зимовати ,
 Тото лѣто лѣтовати ,
 Въ Станиславѣ на рыночку ,
 Въ Кайданочкахъ въ зелѣзочку.»
 Впали Ляхи ихъ забрали ,
 Руки назадъ повязали ,
 Руки назадъ повязали ,
 До конѣй поприпинали .
 Ой Дорошу , пане нашъ ,

Велика пригода на насъ ,
Де-жъ мы будемъ зимовати.
Тото лѣто лѣтовати?»
«Ой въ Станиславъ на рыночку ,
Въ тяжкихъ дыбахъ, въ зелѣзочку ,
Тамъ будете ночевати ,
Тамъ будете дній днёвати ,
Тамъ будете ночевати , —
Будуть птицы тѣло рвати.»

ПѢСНИ.

1.

Чому куры не поёте ,
Чому люде не чуете !
Турки село сърабовали ,
Громадами людей гнали.

.....
Припалася зятю (*) теща :
В ôлъ самъ ъде на конинъ ,
Тещу веде по тернинъ ,
Кровцёю слѣды заливае .
Чорный воронъ залѣтае ,

(*) Т. е. досталась Турку , какъ увидимъ ниже , она была его теща .
Пѣсня эта имѣеть чрезвычайно большое сходство съ подобною же
Русскою .

Тоту кровцю испивае.

.....

«Слухай (*), пани Турчинова ,
 Прививемъ ти невольницю ,
 Ажъ изъ Польши роботницю :
 Завдаймо ій три роботъ :
 Оченьками стадо пасти ,
 А руками кужель прясти ,
 А ногами колисати (**).»
 Она дѣтя колисала
 И дитинѣ приспѣвала :
 «Люлю, люлю, Татарчатко !
 А по дочцѣ та внучатко !.....»
 Въ томъ Туркеня съ кресла встала
 Старой бабы ся пытала :
 «Почомъ ты мене познала ?.....»
 «Якъ тя баба въ купель клала ,
 На груди ти искра впала ,
 Потому-мъ тебѣ познала.»
 «Мати моя, мила мати !
 Скидай съ себе тыи латы ,
 Возьми дорогіи шаты ,
 Будешъ съ нами пановати !»
 «Лѣпше мои вбоги латы ,
 Нѣжъ дороги твои шаты .»

(*) Говорить Турокъ своей женѣ.

(**) Качать ребеџка.

2.

Дубъ на дуба похилився :
 Коникъ на Козака засмутився :
 « Ой коню м旤й, коню смутный, невеселый,
 Чомъ ты до мене, коню, не говориши ?

Чи ти докучило сѣдло моѣ ,
 Чи ти докучила зброя моꙗ ,
 Чи я ти докучивъ Козакъ молоденький ?
 « Ни мя докучило сѣдло твоѣ ,
 Ни мя докучила зброя твоя ,
 Ни ты мя докучивъ Козакъ молоденький ;
 Но ми докучила корчма твоя :
 Ой куда ъдешъ кормы не минаешьъ ,
 А куда ходишъ — ъжъ, пьешь, гуляешь ,
 А о менѣ воронъ коня твого тай недбаешь ,
 А до горы ъдешъ — пôдтынаешь ,
 А якъ съ горы ъдешъ — не стримаешь ,
 Черезъ луги ъдешъ — непопасаешь ,
 Черезъ Дунай пливешъ — не наповаешь .

Прим. Стрѣмлани (Нѣм. trennen, "отдѣлять") трогать, удерживать, см. собран. этихъ пѣсней № 7 — въ Малор. отдѣленіи.

3.

Ой за горою за высокою ,
 Тамъ сидить голубъ и съ голубкою ,
 Ой сидять они тай цѣлюются ,
 Сивыми крильцями обѣймаются ;
 Надлетѣвъ орель съ чорнои хмары :
 Розбѣвъ, розбѣгнавъ голубы изъ пары ;
 Забивъ голуба тамъ на рѣвнинѣ ,

Розливъ кровъ его по всей долинѣ ;
 Голубка сидить жалобно гуде ,
 Що вже съ голубомъ жити не буде.
 «Сива голубко, въ щожъ ты дуфаешъ ,
 «Чи не на вроду, шо красну маешъ?»
 «Щожъ ми по уроду , по молодости ,
 Коли не маю ни съ кѣмъ милости.»
 «Ой маешъ бо ты сѣмъ паръ голубовъ ,
 Выберай собѣ , который ти любый.»
 «Ой най-же буде двадцять и чтири ,
 Нема такого, якъ мой бувъ милый!»

Прим. Дуфати (Нѣм. *dulten*) тосковать.

4.

«Ой Романе, Романоньку ,
 Пусти мене до домоньку ,
 Моя мати не родная ,
 А я дѣвчина бѣдная ,
 Буде бити, волочити ,
 Нима кому боронити.»
 Отъ знай, дѣвчя, якъ сказать ,
 Якъ ся трафить постояти :
 Мене гуси попредили ,
 Воду мени сколотили ,
 Я-годинку постояла ,
 Нимъ ся водá устояла.

Прим. трафити (Нѣм.) случиться. См. Малор. пѣси. № 11.

5.

Ой у полѣ нивка ,
Сама материнка ,
Тамъ дѣвчина жито жала ,
Сама чорнобрѣвка .
Ѣхавъ Козакъ дорогою ;
«Помзгай-Богъ , женче ! »
Она ему вѣтровѣла :
«Бодай здоровъ сердце .»
А вже тая слава
По всимъ свѣта стала ,
Шо дѣвчина Козаченька
Серденькомъ назвала .

6.

Гей Ѣхавъ Козакъ зъ Украины , зъ Украины ,
Надыбавъ дѣвчину край долины , край долины ,
Край долины , край дороги ,
Бѣлы руки , бѣлы ноги ,
Край долины , край дороги , край дороги ,
«Ахъ ты дѣвчино , розлуко моя , розлуко моя ,
Да повѣдь-же менѣ , якъ тобѣ имя , якъ тобѣ имя ? »
«Богъ мя создавъ дѣвчиною ,
ПÔпъ мя назвавъ Кулиною ,
Дѣвчиною , Кулиною , Кулиною ,
Ахъ ты Козаче , ахъ ты пане м旤й , ты пане м旤й ,
Да повѣдь-же менѣ , якій буде поїздъ твой , да поїздъ
твой ? »
Не журися , ты дѣвчино ,
Ты Кулипо , ты небого ,

Есть тамъ въ полѣ кони много,
Якъ злопаемъ — то поѣдемъ,
Не злопаемъ — пѣшки пойдемъ.

Тра рарай,
Руки дай,
Ты Кулино, ты небого, ты небого!»

«Ахъ ты Козаче, ахъ ты пане м旤й, ты пане м旤й,
Да повѣдь-же менъ, якій буде обѣдь твой, да обѣдь твой?»

«Не журися ты дѣвчино,
Ты Кулино, ты небого,
Есть тамъ въ полѣ саламаха,
Козацькая завертаха,

Тра рарай,
Руки дай,
Ты Кулино, ты небого, ты небого.»

«Ахъ ты Козаче, ахъ ты пане м旤й, ты пане м旤й,
Да повѣдь-же менъ, якій буде посагъ твой, да посагъ твой?»

«Не журися ты дѣвчино,
Ты Кулино, ты небого,
Посаджу тя за пѣдь-рамы,
Обдарю тя тороками,

Тра рарай,
Руку дай,
Ты Кулино, ты небого, ты небого.»

«Ахъ ты Козаче, ахъ ты пане м旤й, ты пане м旤й,
Да повѣдь-же менъ, якій буде иочлѣгъ твой, да почлѣгъ
твой?»

Не журися ты дѣвчино,
Ты Кулино, ты небого,
Есть тамъ въ полѣ травы много,
Постелимъ си пѣдь собою,
Тра рарай,
Руку дай,
Ты Кулино, ты небого, ты небого.»

7.

Гей летъма зазуленъка по Украинъ,
 Гей ронила сивы перья по долинъ;
 Ой якъ тяжко сивымъ пѣрьямъ по долинъ,
 Еще тяжче сиротоныцъ на чужинъ..
 Ходить голубъ надъ водою гукаючи,
 Своей милой голубеньки шукаючи :
 « Та чи спишъ ты , сердце мое , та чи чуешь ,
 Чомъ до мене , сердце мое , не говориши ? »
 « Якъ я маю , сердце мое , говорити :
 Лежить нелюбъ на ручонцъ , буде бити . »
 « Ой вѣтсуясь , сердце мое , вѣтъ нелюба , —
 Застрѣлю нелюба зъ лука — якъ голуба . »
 « Ой чи забѣшъ , сердце мое , чи не забѣшъ ,
 За все ты сердцю мому жалю додаешь . »
 « Покинь отца , покинь маму и всю родину ,
 Иди съ нами Козаками на Украину :
 На Украинъ суха рыба и съ шафраномъ ,
 Будешъ жити за Козакомъ якъ за паномъ ;
 А на Польщъ суха рыба и съ водою ,
 Будешъ жити съ вражимъ Ляхомъ якъ съ бѣдою . »

8.

Да теперъ нѣчка
 Та темная ,
 Та дороженька
 Та далекая .
 Ой припну коня
 Коло калиночки ,

А самъ ляжу спати
 На край могилочки.....
 Де тамъ дѣвчина
 Молодася взяла,
 Ударила Козака
 Тай такъ промовляла :
 «Ой встань , Козаче ,
 Ой встань , гдѣ спати !
 Наступае горда ,
 Хоче коня взяти.
 Та коня возьмуть ,
 Та кѣнь другій буде ;
 Тебе порубають.....
 На свѣтѣ небуде !»

9.

Хорый Козакъ, хорый Козакъ, видай хоче вмерти :
 «Ой идите приведите дѣвчину до смерти.....»
 «Ой видай ты, козаченьку, не въ правдѣ вмираешь ,
 Шо ты собѣ передъ смертью дѣвчину жедаешь !»
 Умеръ Козакъ, умеръ Козакъ и *Козацька мова* ,
 А лешився кѣнь вороный и ясная зброя .
 Ой сошлися Козаченьки до едної хаты ,
 Ой сошлися Козаченьки, кому коня дати .
 Сотникови коня дати , Гетьманови зброю ,
 Шобъ позволивъ поховати Козака съ стрѣльбою .
 Тѣло везутъ, коня ведуть, кѣнь головоньку клонить ,
 А дѣвчина за Козакомъ бѣлы ручки ломить ,
 Ломить ручки, ломить ручки и мизельны пальци :
 «Ахъ вже-жъ нема и не буде такого коханья !
 Чомусь менѣ мої мати, рано несбудила ,

Коли его компанія съ мѣста выходила?
 «Для тогó ти, моя доню, рано не сбудила,
 Любила-сь ихъ компанчика, шо-бысь не тужила.
 Подивися, моя доню, въ вышинюю кватыру,
 Спускаются козаченьки съ горы на долину.....»

Прим. Мова — разговоръ, рѣчь, компанія (Фр.) рота.

10.

Сѣдить Козакъ на могилѣ, тай думку думае,
 На Україну поглядае, тяженко взыхає:
 А ни вѣтеръ ни віс, ни солнце не грѣе,
 Ено краёмъ край Дунаю трава зеленѣе.
 Высока могила съ вѣтромъ говорила:
 «Не вѣй вѣтре буйнесенъкій — щобъ-мъ не чорнѣла!»
 «Бодай тал рѣчка шуваромъ заросла
 Що мене молодого съ чужій край занесла;
 Бодай тата рѣчка рыбокъ не съродила,
 Що мене молодого съ милою розлучила.»
 Тамъ па горѣ рѣченъка, на рѣченъцѣ кладка,
 «Не покидай, мой миленький, старенького батька:
 Якъ батька покинешъ, марпенько загинешъ,
 Быстронькою рѣченъкою на Дунай поплинейшъ,
 И весельце съгубишъ, будешъ потопати,
 Я у втодѣ не съмогу бѣлу ручку дати!»

11.

Ей ишовъ я дорогою,
 А мой голось та дубровою,
 Перекажу до родины
 Чорненькою та вороною.

Ни родины зъ Украины ,
 Ни чорнонькій да ворононькій ;
 Ей вже менъ та докучила
 Да чужая сторонанька .
 Ей ту въ чужій сторонаньцѣ
 Назвали мя заволокою ,
 Кажуть менъ рѣку плисти ,
 Широкою да глубокою .
 Якъ-же юю перебути ,
 Якъ ю переплинути ?
 Проси Бога , дѣвчинонько ,
 Шо-бы въ водѣ не загинути .

12.

Гей хороша молодичка моргала на мене ,
 «Покинь , покинь молотити , та ходи до мене ! »
 «Ой не пойду , бо ся бою , маешъ человѣка ,
 Якъ мя съловить , буде бити събавить менъ вѣка . »
 «Прійди , прійди , гожій хлопче , хочдай на годину ,
 Я старого бородача пошло по калину
 Пôди старый бородатый калину ломати ,
 Бо я такій кашель маю , шо трохи несгину . »
 Пôшовъ старый бородатый калину ломати ,
 Ой привела молодого зе сънѣй до хаты ;
 Съвъ вонъ собѣ въ конець стола , курку оберас ,
 Хорошую молодичку къ собѣ пригортае .
 «Выйди , доню , на улицю , тата вызырати ,
 А якъ буде вже близенько , давай менъ знати . »
 Выйшла доня на улицю ; въ бѣлы ручки плеще :
 «Гуляй , гуляй , моя мамо , не йде тато еще . »
 Погляну ся въ кватыроньку вже старого видко :
 «Увивайся , гожій хлопче , коло курки швидко ! »

Поглянуся въ кватыроньку, старый же близенько :
 «Ахъ де-жъ я тебе подѣну, ты моё серденько ?
 Сховаю тя, мой миленький, пôдъ бѣлу перину
 Сама лягну на постелъ, тай скажу шо гину.....»
 Прійшовъ старый бородатый съ калиною до хаты ,
 Якъ стояла, такъ упала, зайніла стогнати :
 «Ой йди старый бородатый, купи менъ меду ,
 Бо щось менъ тліжко, нудно, головки не съведу.»
 Пôшовъ старый бородатый меду куповати :
 Гей, вывела молодого до сїней изъ хаты.
 «А я хлопець суховатый въ своего батька вдався !
 Низомъ, пизомъ, по пôдъ плоты, въ конопли скованся !»

13.

Ой стукнуло въ буйномъ лѣсъ ,
 Комарь съ дуба повалився ,
 И стовкъ собѣ головище ,
 О дубову коренище.
 Вылегъла муха съ хаты
 Комаронька рятовати :
 «Ой комарю , господарю ,
 Жаль ми тебе не помилу !
 Де сл скажешъ поховати
 Кости твои шановати ?»
 «Поховайте-жъ мене въ лѣсѣ ,
 Въ буйномъ лѣсѣ , при горостѣ ;
 Посѣйте на мнѣ руточку ,
 Съ зеленого барвиночку ;
 Кто ту руту буде рвати,
 Буде мене споминати :
 «Ой тутъ лежить комарище

Той великий гултяище,
 Не единому гравъ на носъ,
 Теперь тѣло его въ просвъ,»
 Ой ду, ду, ду, ду, ду, ду, ду,
 Комаренька не забуду:
 Ой тутъ лежить его тѣло
 Що вчера съ дуба сълетѣло.

14.

Ой дѣвчино красна,
 Де ты волы пасла?
 Подъ дубками,
 Съ паробками,
 Де травиця красна.

15.

Вотхилю я нову кватырочку,
 Подивлюся въ мѣсть по рыночку,
 Тамъ мой милый по рыночку ходить,
 Кониченъка за поводы водить,
 Въ Гетьмана ся вотправоныки просить:
 «Пусти мене, мой пане, до дому,
 Бо тамъ тужить дѣвчина за мною!»
 «Ой не такъ она, та якъ-же ты тужишъ,
 Не пущу тя, ажъ року дослужишъ,
 Кажу тебе въ кайданы ковати.»
 «Не куй мене, мой пане, въ кайданы,
 Окуй мене до вдовій до хаты,
 Бо въ вдовы медъ, горѣвка въ хатѣ,
 Буду вдовинъ мѣдъ, горївку пити,
 Ще до того дѣвчину любити.»

16.

«Ой дай же Боже недѣлоныки дождати ,
 Ой пошлюжъ-бо я до дѣвчиноныки въ сваты ;
 Ой дѣвчиноныка сътыхонька промавляе ,
 Мене молодого лкъ по серденьку крае ;
 Ой чи не будешъ дѣвчиноныка тужити ,
 Якъ я пойду на Украину служити?»
 «Ой не буду Козачепъко не буду ,
 Ено ты за ворота , я тебе забуду.»
 Ено взявъ Козакъ за браму выѣжджати ,
 Взяла дѣвчина бѣлы ручки ломати ;
 Ой взявъ Козакъ на гору выѣжджати ,
 Взяли дѣвчину на вѣтеръ подоймати ;
 Ой ставъ Козакъ дай съ горы ся спускати ,
 Взяли дѣвчину водою вѣливати ;
 Ой взявъ Козакъ дай черезъ Дунай плисти ,
 Пошли за Козакомъ дай частенькии листы :
 «Ой вернися Козаченьку до дому ,
 Вправадивъ ты дѣвчиноныку до гробу !
 Ой въ него дорога , а въ мене другая ,
 Ой головочко-жъ моя , головочко несчастная !
 Ой я гадала , что не буду тужити ,
 Прійде ще съ туги головою наложити.»

17.

«Ой де ймемо спати , дѣвчино моя ?»
 «Ой подъ сосною , подъ зеленою ,
 Мой пелобе съ тобою .
 «А що мы собѣ постелемо , дѣвчино моя ?»
 Ой постелеться намъ трава-мурава ,
 Мой пелобе съ тобою .

«А що нась окрые , дѣвчино моя?»
 Окрые нась нѣчка темненька ,
 Мой нелюбе съ тобою.

«Що нась пробудить , дѣвчино моя?»
 Ой пробудить нась пташка дробненька
 Мой нелюбе съ тобою.

«Чемъ-же мы ся вмыемо , дѣвчино моя?»
 Ой вмыешся ты росою , я слезою
 Мой нелюбе съ тобою.

«Що-жъ мы ймемо посынѣдковати , дѣвчино моя?»
 Ой ты ягодоньки , а я слезеньки ,
 Мой нелюбе съ тобою..

«Де-жъ мы ся розойдемо , дѣвчино моя?»
 Ой ты до бѣса , а я до лѣса ,
 Мой нелюбе съ тобою.

18.

Бувай здоровъ, Ляцькій краю ,
 Вже-жъ я тебе покидаю ;
 Пôду я на Волошину ,
 И тамъ я не загину ;
 Въ Волошинѣ добры люде
 И тамъ менѣ гараздъ буде ,
 И тамъ люде не Татары ,
 Заразъ менѣ раду дали .
 Туманъ , туманъ по ланинѣ ,
 Широкій листъ на калинѣ ,
 А ще ширшій на яворѣ , —
 Де-сь ми мила на размовѣ ;
 Знати о мене не дбає ,
 Но съ иными размовляе.

Сойди хмаро съ Полонины ,
 Прійди мила изъ чужини ;
 Въ Полонинѣ огонь горить ,
 Мою милу душа болить ;
 Не такъ милу да якъ мене ,
 Шо не сидить коло мене .

Доливъ сердце , доливъ ,
 Събавила-жъ мя мила волбъ .
 «Ще тя сбавлю , милый , коровъ ,
 Тогда бувай любко , сдоровъ .»

«Ой ты мила , не журися ,
 Я ще молодъ , не женюся ;
 Якъ я буду женитися ,
 Прошу мила дивитися ,
 Скажи тебе запросити ,
 Въ конецъ стола посадити ,
 И горѣвки накурити ,
 Тебе мила зпросити .»

«Твое пиво менѣ , диво ,
 А горѣвка твоя горька :
 Твои братья говорили ,
 Щобъ мы ся не сходили ;
 Твои сестры разрадили ,
 Шо-бы мы ся не любили ,
 Твоя мати чаровница
 Великая розлучница :
 Розлучила камень съ водою ,
 Розлучила мене съ тобою .»

Ахъ тамъ молодъ Козакъ потопае :
 Просить вонъ рятунку :
 «Рятуй мене батеньку ,
 Бо я молодъ Козакъ потопаю ! »
 А батенько до човна ,
 А ни човно, ни весла :
 «Ой загинешъ мой сыноньку , загинешъ . »
 На широкомъ Дунаю ,
 Недалеко вѣтъ краю ,
 Ахъ тамъ молодъ Козакъ потопае :
 Просить вонъ рятунку :
 «Рятуй мене матенько ,
 Бо я молодъ Козакъ потопаю ! »
 А матенька до човна ,
 А ни човна, ни весла :
 «Ой загинешъ мой сыноньку , загинешъ . »
 На широкомъ Дунаю ,
 Недалеко вѣтъ краю ,
 Ахъ тамъ молодъ Козакъ потопае :
 Просить вонъ рятунку :
 «Рятуй мене братеньку ,
 Бо я молодъ Козакъ потопаю ! »
 А братенько до човна ,
 А ни човна, ни весла :
 «Ой загинешъ мой братеньку , загинешъ . »
 На широкомъ Дунаю ,
 Недалеко вѣтъ краю ,
 Ахъ тамъ молодъ Козакъ потопае :
 Просить вонъ рятунку :
 «Рятуй мене сестренько ,
 Бо я молодъ Козакъ потопаю ! »
 А сестронька до човна ,
 А ни човна, ни весла :
 «Ой загинешъ мой братеньку , загинешъ . »

На широкомъ Дунаю ,
 Недалеко вѣтъ краю ,
 Ахъ тамъ молодъ Козакъ потопае :
 Просить вѣтъ рятунку :
 «Рятуй мене миленька ,
 Бо я молодъ Козакъ потопаю !
 А миленька до човна ,
 Вже е човно и весло :
 «Ой не сгинешъ мой миленькій , не сгинешъ .»

20.

«На Українѣ всего много , и пашы и браги ,
 Леше шо тамъ Ляхи стоять , Козацькіи враги ;
 На Українѣ всего много , меду и горбвки ,
 Дѣвки красны , молодици , а вси чернобрѣвки ;
 На Українѣ молодици , що вѣ червонѣхъ ходять ,
 Полотняныхъ не видають , бо ихъ сами робять .
 Ты дѣвчино , що ты робишъ , сорому не маешъ ,
 Чомъ Козаковъ , а не Ляховъ , вѣрне не кохаешъ ? ».
 «А що-жъ тое лихо робить , старенькая мати , —
 Гнама мене вѣтъ Ляшонька до самой хаты !
 А у Ляха вершокъ низкій , широки опушки ,
 Скоро Ляха зибачила , приставъ ми до душки .»

21.

«Помогай - Бѣгъ вамъ ,
 Чи ради вы намъ ?
 Ой чи рады , чи не рады ,
 Помогай - Бѣгъ вамъ !....»

«Бодай здоровъ свату!
 Замкни жѣнко хату,
 Подай держакъ отъ лопаты,
 Свата привѣтати...»
 Жѣнка поспѣшае,
 Хату замыкае,
 А порвавши за коцубу, —
 Сватонька вѣгае.
 «А сватъ за чуприну,
 Вѣтай вражій сыну!»
 «Пусти свату не жартуй,
 — Бо ти въ рукахъ сгину.
 Не жартуй же свату:
 Бо сломишь лопату:
 Воли-жъ горѣлоныки дати,
 Свата превѣтати...»
 Сватъ того не чуе,
 Охочо трахтуе:
 То кулакомъ по губахъ,
 То держакомъ по зубахъ.
 «Шо тобъ ся стало,
 Чи тебе напала?...
 А я твоей жѣнки сватъ,
 А наймита твого братъ.»
 «Най тя чортъ не носить,
 Де ти кто не просить;
 Де тя просить — не в чащай,
 Де не просить — не бувай!»

22.

На дорозъ калюжа,
 Я робити недужа,

Коби скрыпки, цымбалы,
Теби ножки скакали.
Ой съвъ зажурился,
Шо съ малою оженился;
«Не журися, мой Андрею,
Подросту я за недѣлю.

23.

Румянъ поле покрыває,
Де Козакъ ся проѣзжас,
Ой выѣхавъ край молилы,
Край могилы Верховины:
«Ты могило, Верховино,
Чомусь рано не горѣла?»
«Ой я рано не горѣла.
Бо-мъ кровцю обкипѣла.
«Ой якою?» — «Козацькою,
Половину и съ Ляцькою.»
Ой йдуть Ляхи на три шляхи,
А Козаки на четыри,
А Татаре поле вкрыли;
За Татарми возы идутъ,
За возами конь Турецкій,
На тымъ конъ сынъ Козацький,
Правою рукою шаблю хапле,
А съ той шабли кровця капле.
Иде мати, ревно плаче,
Своимъ житъемъ проклинае,
Свого сына не познае.
Седить воронъ надъ скалою,
Похитуе головою:

«Ой я твого сына знаю,
 Три разъ на день попасъ маю,
 Со лба очи выбираю;
 Иди стара до домочку,
 Вѣзьми цѣску въ праву ручку,
 Постѣй его въ городочку,
 Якъ той пѣсокъ въ гору сойде,
 Тогдѣ твой сынъ до тя прїде.»

ПѢСНИ О ПРИШКОВЪ,
 или
 КАРПАТСКИХЪ ГОРЦОВЪ.

==

24.

На высокой полонинѣ изродили рыжки,
 Да чи пѣдемъ, пане братѣ, на веснѣ въ опришки?
 А вробимо топорчики да съ самои стали,
 Да не покличмо мы никого, пѣдимъ-ко мы самы;
 А вробимо топорчики да съ самои мѣди,
 Якъ наскочимъ у вѣконцѣ, ти зазнаемъ бѣды. (*)

(*) Полонинами называются у Карпатцевъ — высокія горы, Альпы; выраженіе «наскочимъ у вѣконцѣ» — есть ли пойдемъ разбойничать.

«Ой исъявъ я, побратомку, жидовську детину,
Да ще я, побратомку, за ю незагипу.
А ймуть ровты (*) избираты, за нами гонити,
А мы будемъ съ Файнозвъ любковъ мѣдъ, горѣвку пiti;
Будутъ ровты избирати, а ймуть нась шукати,
А мы будемъ съ Файнозвъ любковъ пiti да гуляти.»

.....

«А шобъ ты, мой миленький, такій веселенький,
Якъ у лѣтъ въ Черногорѣ вѣтеръ студененький.»

«А шобъ ты, моя мила, така веселенька,
Якъ у лѣтъ въ Черногорѣ вода студененька.»

«А шобъ ты, мой миленький, тогдѣ оженившся,
Якъ у морѣ на каменѣ тыгинъ уродився.»

«А шобъ ты, моя мила, тогдѣ вѣтдалася,
Якъ у морѣ на каменѣ роса розвилася.»

25.

А що у тый Черногорѣ за вороны кони?
Ходимъ брате, въ гайдамаки, чуемъ за червони....
Ой и чуемъ за червони у Пана молодого,
Да якъ бы ихъ та ужити съ двора головного? ...
Ой я знаю, пане брате, якъ бы ихъ ужити,
Молодого того Пана до стѣны прибити,
Ой прибити руки, ноги, ще мѣжи плечима,
Шо-бы вонъ си на нась дививъ чорными очима.»

26.

Заковала ми зазулька та на перелстъ,
Присягала дѣвчиновъка да на пистолетъ;

(*) Роты.

Присягала, присягала, гадочку гадала:
 Шобы того цистолетко куля розметала
 Да шо я-такъ молоденька на нѣмъ присягала.

27.

Заковала зазуленька, заковала жовта,
 Съдогонила Легиникоў (*) на Рекетъ ровта,
 Але ишли Легиники, да все гомотѣли,
 Якъ учули да ровтѣчку виѣся розлетѣли;
 Але ишли Легиники, самы побратомы (**),
 Одинъ упавъ у негоду, всі его лешили.
 Але ймали да Пилипка за бѣлы рученьки,
 Да узяли да Пилипка до неволѣченъки,
 А замкнули да Пилипка у желѣзны свѣрни,
 Да ўзли да Пилипоњка до самый Надвѣрнъ.
 Якъ я собѣ поворожу вѣскомъ на порозъ,
 Да чи правда шо имали Пилипка у дорозъ;
 Якъ я собѣ поворожу на ярбѣ пшеницъ,
 Да чи правда шо губили Пилипка въ вязницѣ?
 Они его да губили за топорець ясный,
 А люде ся дивовали — якій-же вонъ красный,
 Ой люде ся дивовали — якій вонъ хороший;
 А Паны ся чудовали — колько має грошей!
 Не пасе вонъ чтыри роки, ни козы, ни вѣвци, —
 Лише прятавъ у кобѣвку бѣлы сороковци.

*Прим. Але. (Нѣм. Allein.) — по, однако; лишити (ст. Русское) отка-
заться, отчуждаться; Пилипко — Филиппъ; кобовка — мышокъ, калита;*

(*) (Венгер.) Молодецъ, Гайдамакъ (здѣсь г выг. какъ g).

(**) Побратоми — друзья, давшіе клятву — жить и умереть вмѣсть. Въ Малороссіи, въ старину, для вступленія въ побратомство соблюдал-
ся обрядъ, при которомъ вступающіе въ сей союзъ, пущали кровь изъ мезиннаго пальца, смѣшивали ее съ молокомъ — и выпивали вмѣсть;
вероятно, этотъ обычай существуетъ и у Карпатскихъ Горцевъ.

гроши — деньги; бѣлы сороковци — какал — то серебряная Австрійская монета. Къ сожалѣнію, въ собраніи пѣсень Галицкихъ, Г. Вацлава, помѣщены четыре только пѣсни, гайдамаковъ Карпатскихъ.

КОЛОМІЙСКІЯ ПѢСНИ.

==

Между простолюдинами Червоной Руси, въ большой славѣ находятся, такъ называемыя Коломійскія пѣсни ; они, подобно Польскимъ Краковякамъ, соединяютъ краткость, остроту, и, нерѣдко имѣютъ прекрасные голоса, — въ нихъ видѣнъ весь насмѣшливый характеръ Малороссіянинъ, которому въ злополучной годинѣ, осталось одно утѣшеніе — сарказмъ. Округъ Коломейскій, находится въ южной Галиціи между Днѣстровъмъ и Прутомъ ; это древняя Бакотія, бывшая одною изъ богатѣйшихъ провинцій Галицкихъ Князей, изобильная солью и естественными произведеніями ; въ послѣдствіи она называлась Покутіемъ. Вотъ образцы Коломійскихъ пѣсень :

28.

«Ой чого ты поскрипушъ, ты ядлова хато?»

Нема добра въ нашемъ селѣ — бо Пановъ богато.

29.

«Повѣй, повѣй, буйный вѣтре по высокій горѣ,
Да розчеси кучерики (*) по моей головѣ.»
Хочъ я буду да по горѣ высокій вѣяти,
Таки треба кучерики гребенемъ чесати.

30.

Якъ идете хлопци въ танець, берить рукавици:
Маты стоять якъ коровы, — дочки якъ телици.

31.

Ой пойду я на ярмарокъ, ей того упьюся,
Покажу вамъ тыи штуки — що перевернуся.

32.

«Чоловѣче бѣсноватый! нашо жѣнку продавати?»
Ой видить самъ Господь съ неба, на податокъ (**) гроши
треба.

33.

Верни мои подарунки, верни мои гроши,
Твоя мати говорила, що я не хороший!

34.

Ой ишовъ я черезъ село, та ми було стидно:
Несу курку підъ полою, а ій хвостикъ видно.

(*) Мал. кудри.

(**) Подать.

35.

На що-жъ тобъ, пане брате, торбину д'вигати,
 Лъшие тобъ, пане брате, людѣй розбивати;
 Чи знаешь ты, пане брате, що будемъ дѣяти?
 Вырѣжемо песьехъ враговъ, будемъ паювати;
 Чи видишъ ты, пане брате, за лъсомъ могила?
 Чи ты умрешъ, чи повиснешъ (*), разъ мати родила.

36.

Ой не кури, Вуйку, мольку, въ моїй хатчинѣ,
 Не выкури очи чорны молодый дѣвчинѣ.

37.

Ходить воликъ по надъ Дунай сумненько борыче:
 «Выйди, выйди дѣвчинонько, бо ти хлопець кличе.»
 Ой не выйшла дѣвчинонька, ено еи мати:
 «Кому треба моїй доњки, най иде до хаты!»

38.

Не видавъсь, пане брате, видай наши бѣды,
 Якъ лихо въ нашемъ краѣ спробовать пойди,
 У нась кажда неборакъ ѿсть безъ хлѣба рака,
 И недѣля и пятница у нась все еднака.

А мы лиха не знаемъ хочь и вчужимъ дому,
 Не кланляемся за грбшъ, ни за хлѣбъ никому,
 Бо маємо подостатокъ и ѿсти и пити,
 А якъ съ гульки до домоньку, есть де вѣтпочити.

(*) На висъницѣ.

Мы пôвъ рока доберемъ, въ нêмъ осмакъ снайдемо
 Кусокъ хлеба не знайдемо, якъ до дому прїдемо;
 А якъ якій грôшъ заробимъ, минется въ дорозъ,
 А пришовши до домоньку, лихо на порозъ.

Мы хорошо прибраныи, ъсти, пити — потô
 Хорошенько ходимо не зневи работы;
 Нехай робить гарлаки, мы о томъ незнаемъ,
 Намъ постють, намъ сберуть, а мы пашу маемъ.

Я пришовши изъ дороги, тупчу коло хаты,
 Жёнка кричить и не дае до себе пристати:
 «Поди, поди сатано, пропивесь худобу,
 А я пôду на Украину съ дъгми на свободу.

Ты сълякався кочерги, тай утёкъ в ôть жёнки.
 «Мы хороши Козаки впали межи стѣники;
 Не боимся ни Ляховъ, ни Ляцькои щаты,
 Якъ нась схоятъ сцомощити — утекнемъ до хаты.»

43.

Вотъ еще другая пѣсня, кажется, одного происхожде-
 нія съ Русскою. Галицкій Цюра есть дурачекъ Кирши
 Данилова, въ древнихъ Русскихъ стихотвореніяхъ, из-
 данныхъ Г. Каладовичемъ.

Бхавъ Цюра изъ Варшавы,
 На нêмъ сини шаравары,
 И канчукъ у бока,
 Не боится мужика.

Бѣда Цюру искусила,
 Що вонъ вступивъ до Русина,
 Въ него шапки не снявъ,
 Помогай-Бôгъ не в ôтдавъ.

«Подай менъ жѣнко бучка ,
 Теперь буду вчити братка
 Помогай-Богъ давати ,
 Въ домахъ шапку сдѣмати .»
 Порвавъ Цюра за чуприну :
 «Теперь знаешь, сучий сыну,
 Помогай-Богъ давати ,
 И шапку изняти .»
 Иде Цюра дорогою ,
 Ажъ тамъ плыне гусь водою :
 «Помогай-Богъ бѣла гусь !
 Навчила мя здѣшия Русь .»
 Вѣтшовъ Цюра вѣть гуси ,
 Ажъ тамъ бѣжитъ медвѣдь куцый ;
 Що то Русинъ Цюра думавъ ,
 Шапочку снявъ , помогай-Богъ давъ.
 Медвѣдь думавъ шо то лиравъ ,
 Тай Цюръ голову обѣрвавъ ,
 И не оставилъ его на дорозѣ ,
 Но потащилъ въ бѣлы лозы.
 Прибѣгла ласка да ему каже :
 «Ой встань , Цюро , не лежи ,
 Ой встань , Цюро , не вмѣрай ,
 Еще со мною поиграй .»
 Идутъ купци изъ Варшавы ,
 Взяли его поховали ,
 Лежить Цюра въ дубинѣ :
 Не кланяется дурнинѣ.

44.

Ой пойдь лѣсомъ , дубиною ,
 Косивъ ячмень сокирою ,
 А девчина громадила ,

Козаченька принадила :
 « Ой Козаче черновусый ,
 Чомъ у тебе жупанъ куцый ? »
 — Мене дѣвки подпоили ,
 Жупанъ менъ подкроили .

45.

Ой темна , темна , ой та невидненъка , та панс брате , ночь ,
 ночь ,
 Ой полетѣла сива голубонька та вотъ голубонька прѣчъ ,
 прѣчъ ;
 Ой летить , летить сива голубонька та лѣсами , горами ,
 Ой сдѣбаеться сива голубонька та съ сивими соколами :
 « Ой чого , чого сива голубонько та раненько лѣтаси ,
 Ой лебонь-же ты сива голубонько , голубонька покидаешъ ? »
 Ой — покидаю сивого голубка и дробненъкіи дѣти ,
 А сама лечу , сама полечу мешканенъка глядѣти .
 Ой у недѣлоньку дуже раненько , якъ по стало свѣтати ,
 Ой полетѣвъ-же сивый голубонько голубоньки шукати ;
 Ой летить , летить сивый голубонько та лѣсами , горами ,
 Ой сдѣбаеться сивый голубонько та съ сивыми соколами :
 « Ой чого , чого сивый голубоньку , голубоньки шукаешъ ;
 Ой бо та-жъ , бо та-жъ сива голубонька та набралася пуду ,
 Ой якъ стрѣпнула сивими крыльцями ажъ за Дунай-воду . »
 Ой полетѣла сивая голубонька за Дунай-воду пити ,
 Ой тамъ за нею сивый голубонько , та ставъ съ нею говорити :
 « Ой помогай-Богъ , сивая голубонько , ой ты миленька моя ! »
 — Ой бодай здоровъ , сивый голубоньку , — та вже я не твой . —
 Ой летѣвъ , летѣвъ сивый голубонько та сѣвъ собѣ на куницѣ :
 « Ой прилети жъ , моя сивая голубонько , та будемъ жити въ
 куницѣ ! »

Ой летѣвъ, лѣтѣвъ сивый голубонько та сѣвъ собѣ на гольцѣ ;
 «Ой не вѣръ, не вѣръ сивои голубонцѣ — та якъ человѣкъ
 окѣнцѣ.»

46.

Якъ я була молода ,
 Була въ мене урода ;
 А теперъ я уроду
 И въ зеркалѣ не спайду .
 Гей, гей, докучило бровоньками моргати ,
 Ахъ, ахъ, дай-же Боже , того мужа дождати .
 Пойду фарбы накуплю ,
 Даце собѣ побѣлю ;
 Чи пе спайду такого ,
 Шо полюбить мя много .
 Гей, гей, докучило бровоньками моргати ;
 Ахъ, ахъ, дай-же Боже , того мужа дождати .
 Припну фартухъ дорогій ,
 Золотыи береги ,
 А срѣбная середина :
 Чи не красна я дѣвчина ?
 Гей, гей, докучило бровоньками моргати ;
 Ахъ, ахъ, дай-же Боже , того мужа дождати .
 Возьму шубу съ аксамиту ,
 Соболями подшиту ,
 Золотыи галоны ,
 А срѣбныи запоны .
 Гей, гей, докучило бровоньками моргати ,
 Ахъ, ахъ, дай-же Боже , того мужа дождати .
 Чоботочки съ сафьяну ,
 За сѣмъ золотыхъ дѣстану ,

Да выкрешу голубця: (*)
 Чи не сваблю молодця.
 Гей, гей, докучило бровоньками моргати;
 Ахъ, ахъ, дай же Боже, того мужа дождати.

ПАСТУЩЕСКІЯ ПѢСНИ.

—

47.

Пошли вѣвци въ полонинку писаною колею: «А хто васть йметь выпасати якъ я ся оженю?» Имуть они ся самы пасти, самы выпасати, За вѣвчаремъ золотаремъ у край позирати. Ой вѣвчарю золотарю, покинь вѣвци пасти! «Непокину хоть загину, я ся не вчивъ красти; Укравъ бы я два барацци, а третю ягницио, Воны на мене-бѣ сбудовали нову шубиницио.»

(*) Иначе: буду ташевать голубца. Это, какъ видно, повѣйшая пѣсня; подобныхъ въ огромномъ сборникѣ Г. Вацлава, находится весьма много. Предѣлы моего собранія не позволяютъ здѣсь помѣстить ихъ. Можно сказать, что въ Галиціи народная пѣсенность процвѣтаетъ во всемъ блескѣ; многочисленностью своихъ пѣсней, разнообразными ихъ содержаніемъ, превосходными голосами, Червонорусцы берутъ преимущество, въ этомъ отношеніи, предъ всеми Славянскими народами, и едвали не могутъ состязаться съ Италіянцами и Испанцами. Во Львовѣ безпрерывно выходятъ новые собранія Червонорусскихъ пѣсень съ по-тами. Честь и слава нашимъ однородцамъ!

48.

Пошли вѣвди въ полонинку сами бѣленькіи ;
А за ними вѣвчарики сами молодіи :
«Ой чому вы вѣвчарики та не спѣваете ,
А де свои спѣваночки да подѣваете ?»
Ой мы свои спѣваночки подѣнemo , подѣнemo ,
Въ полононцѣ съ овчками на швару посѣмо ,
Мы посѣмо спѣваночки довгими нивами ,
Будемъ ся умивати дрѣбными слѣзами :
А ймуть туда вѣвчарики съ вовцями ходити ,
Будуть наши спѣваночки люби находити ;
Ймуть за ними вѣвчарики тай овечки пасти ,
Будуть наши спѣваночки за капелюхъ (*) класти .

49.

Чи ты мене вчаровала , чи трутовки дала ,
Ой що-жъ бо ты менъ розумъ совсимъ вѣтобрала ?
Ходжу , нуджу гукаючи , говорю съ собою :
Чи тужишъ ты такъ за мною , якъ я за тобою ?
Заковала зазуленька по пôдъ небесами ,
Заплакавъ-же Ивасенько двома голосами :
Личко твоё румяное краснѣйше надъ рожу ;
Я тя бѣдный , молоденький забути не можу .

(*) Шапка съ длинными ушами ; также мѣшокъ , капишенъ , въ Малороссійскомъ кобенякъ .

ПОМИНАЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

==

50.

Хора я хора, мусить я умру,
 Идить-же приведить, кого я люблю,
 Приведить-же ми поса, приведить ми дяка,
 Най я спишу худобоньку (*) за своего житъя.
 Маю я чтери волоцьки,
 Шо-бы мене ховали четыри попоныки;
 А доњкамъ дамъ съ шыи корали,
 Шо-бы мене положили красно на давъ;
 А невѣсткамъ дамъ скрыпю и подушеньки,
 Шо-бы за мною заводили — якъ ластовоныки;
 Сынови дамъ сѣру корову,
 Шо-бы мене выпровадивъ красно до гробу;
 А пѣдзвѣнному дамъ сѣмъ мѣръ полотна,
 Шо-бы менѣ дзвонивъ цѣлый тыжденъ що-дня;
 А дякови дамъ пять мѣръ полотна,
 Шо-бы менѣ псалтырь читавъ до дnia;
 А грабарови дамъ стару кожушину,
 Шо-бы на менѣ высывавъ велику могилу,
 А сусѣдямъ дамъ корець пшеници
 Шо-бы мене споминали при пьятницѣ.

(*) Худоба — пожитки.

=====

ЗАЖИВНЫЯ ПѢСНИ.

==

51.

Выйди паноньку до нась,
 Выкупъ си вѣнецъ у нась,
 Положи червоного,
 Вѣтъ вѣнца полового;
 Бо якъ не выйдешъ до нась,
 Не выкупишъ вѣнца у нась,
 До корчмы понесемо,
 Горѣвки напьемо,
 Занесемо до Жида, —
 Буде, пане, огіда (*).

52.

Казала намъ нивка,
 Шо съ вѣла пана горївка,
 Въ коморѣ на полницѣ,
 Въ кристалевый скляницѣ;
 Въ коморѣ підъ лавою,
 Приросла муравою.

(*) Произ. отъ гадкій — гадость.

53.

На горѣ крениця,
Коло неї пшениця,
Жали іи женци ,
Та сами молодци , —
Хлопци вусатыи ,
И дѣвки косатыи.

54.

Добра нивонька була ,
Сто копъ изродила ;
Що копа то колода ,
Панови нагорода.
Запряглите волы ,
Вдѣтѣ по подпоры ,
Скиртоньки подперати ,
Вязальниковъ поспрашати.

55.

У нашого пана ,
Золотая брама ,
Золотая приспа ,
Сила — вязальниковъ триста :
Добру доленьку мае ,
Рано съ поля сбережае ,
Только тужаночки ,
Що женики не мае .

С В А Д Е Б Н Ы Я П Ѣ С Н И .

=

1.

Чорная галенъко , чорненька ,
 Дежъ-бо ты сокола завелá ?
 «Ой нигдѣ я его не вела ,
 Самъ за мною летѣвъ ,
 За моимъ летаньемъ тихенькимъ ,
 И за перонькомъ чорненькимъ .»
 Красная Маруненько , красна ,
 Де-жъ бо ты Иvasенька завела !
 «Нигдѣ-же я его не вела ,
 Самъ вонъ за мною прїхавъ , —
 За моимъ ходенькомъ дрѣбненькимъ ,
 За моимъ личенькомъ бѣленькимъ .

2.

Короваѣве тѣсто
 Не смѣсилося въ мѣсто ,
 Но ся влизло на рынокъ ,
 Зацвѣло якъ калинокъ .
 Ой годѣ , годѣ пшеницѣ ,
 Сѣмъ лѣтъ въ стозѣ стояти ,
 Часъ изъ тебе коровай опхати ;

Ой сбере Петруненько (*),
То ся тый красный удавъ:
Подошва ему желѣзна,
Обручи ему сребныи,
А на вершочку жовтый цвѣть:
Славный нашъ корова на весь свѣтъ.

3.

Пойшовъ староста въ Угорьскую землю
Угриночку влюбити;
Угриночку си влюбивъ,
Господъ му не присудивъ;
Бо въ Угорьской землѣ
Куроньки не поютъ,
И свѣтъ не свѣтае,
И соненько не сходитъ,
И дробенъ дощъ не йде,
И травонька не росте,
И коникъ ся не пасе.

4.

Поѣхавъ староста на ловы
Въ темныи лѣсы, дубровы,
Тамъ его дробный дощъ нагонивъ,
Лысии шубоньки помочивъ.
Ажъ ся староста сдумавъ
Учила тое сваненька:
Не журися старостоньку,
Я твои суконьки посушу
Я твое личенько прекрашу.

(*) Имя жениха.

5.

Ой просивъ Петрунечко
Своей матеньки:
«Ой ты матенько рѣдченка,
Прошу я тебе,
Не жени ты мене,
Най я собѣ погуляю,
Якъ та рыбка по Дунаю!»
Гулявъ ты сыноньку
На едну зимоньку;
Часъ тебе оженити,
Людьми постановити.

6.

Громнула щука рыбонька на морѣ,
Приплило золото и серебро до берегу,
Старостому кониченькови до чола,
Шо-бы ся свѣтивъ, якъ ясная зоря,
Ой чтобы вонъ съ дороженьки не сблудивъ,
Щобы вонъ крамскихъ сорочокъ не сгубивъ.

7.

Розточено, поволочено по сѣняхъ,
Розстлено лѣпны скатерти по столу,
Куда ми ишла красна Марусенька на посагъ;
Пытается, довѣдустися вѣтъ батенька,
А вѣтъ кого, мой батепьку, посагъ ставъ?
Вѣтъ Бога, вѣтъ добрыхъ людей, дѣтятко,
Посагусть самъ Господь Богъ съ ангелами;
Посагусть тя, мое дѣтятко, съ другими.

8.

Де ся ми дѣвъ, де ся ми подѣвъ Марусенькинъ батенько,
Чомъ не выйде до новои свѣтлоныки,
Чомъ не стане до тисового стола,
Чомъ де даруе своего дитятка?
«Ни червоными, ни золотыми дѣтятко даровати,
Ино счастьемъ и здоровьемъ и добренькою доленъкою.»

9.

Обдарована Марусенька:
Гривнями золотыми,
Таллярами битыми:
Она гривнѣвъ не брала,
По столъ посувала:
«Лежьте, полежьте гривноныки золотыи,
Талляры битыи,
Я пôду ступаючи,
Два двори минаючи,
А на третъемъ стану,
Стапу послухаю,
Що батенько говорить:
Давъ ми ся Бôгъ дождати
За людей детя дати.

10.

Ой куры, куры не пойте рано,
Бо теперь нашъ ста́роста съ дороги пріѣхавъ,
Пустивъ коника до пастовника,
А самъ пôшовъ въ садъ виноградъ,

Выломавъ квѣточку , виноградную квѣточку :
 Ударивъ сваненъку по бѣломъ личеньку , —
 Ажъ ся сваненъцъ личко смѣнило ,
 Не такъ ся смѣнило , якъ зарумянило .

11.

Благослови Боже и ты рѣдный батеньку !
 Де-жъ твой , Марусеньку , старшій братъ ,
 Що твои косы розплѣтавъ ?
 Де твои выплетки подѣявъ ?
 Чи на тихій Дунай попускавъ ,
 Чи молодшои сестриньцѣ даровавъ ?
 Де твои , Марусенько , ковали
 Що твою косенъку ковали ?
 Та нехай пріайдуть розкуютъ
 Все собѣ сребро , золото заберутъ .

12.

Въ підѣлоньку рано
 Въ селѣнѣ заграно ,
 Заграно и забубнено ,
 Бояры побуждено :
 « Вставайте Бояры , вставайте ,
 Коники сѣдлайте ,
 Сами ся убирайте ,
 Бо поїдемо ранкомъ ,
 По пôль высокимъ зáмкомъ ,
 Будемъ зáмки ломати ,
 Марусеньки доставати ! »
 И замкôвъ не ломали ,
 И Марусеньку достали .

13.

Пôшовъ Иvasенько
До стояночки ,
Кониченька съдлати ;
Кониченька съдлае ,
Съ тихенъка гадае ,
Слёзами ся вмивае .
Пришла дô него
Матенька его :
« Чого Иваненьку плачешъ ? »
Ой якъ же менъ ,
Моя матенько ,
Молодому не плакати ,
Самъ я не знаю ,
И не сгадаю .
И не скажутъ люде , —
Яка ми долл буде .

14.

Радиться Иvasенько
Своего батенька :
Порадь менъ батеньку ,
Якъ много боярбъ брати ?
« Сыноньку , Иvasеньку ,
Шо силонька сможе ,
Господь Богъ да поможе :
Хочь сто коней верховыхъ ,
А се двадцять возовыхъ . »

15.

Червоно калинонько (*)
 Бхавъ старостонько ,
 Со своими болрами ;
 Ему калинонька дорогу заступила :
 Выйнявъ шабельку ,
 Выйнявъ красненьку ,
 Ставъ калину рубати ;
 До него калина ,
 До него червона
 Стала перемавляти :
 Не для тебе ; старосто ,
 Калина саждена ,
 Ею для тебе
 Сванеенька срождена .

16.

Сивая зазуленька ,
 Не лѣтай раненько
 На яру пшениченьку ,
 Бо тамъ на тебе
 Сивый соколь засяде ,
 Сглянс тя оче́ньками ,
 Пойме тя крилоньками ,
 Занесе въ темной лѣсоныки ,
 Межи чорных галоньки ,
 Тамъ будешъ ковати ,

(*) Вместо: червоную калину или черезъ червону калину. Прим. Г. Вацлава.

Никому не слухати !
Красная Марусенько ,
Не выходь раненъко
На нове подстненъко ,
Бо тамъ на тебе
Самъ король засаде ,
Сглине тя оченъками ,
Возьме тя рученъками ,
До чужой сторонынъки ,
До чужой матонъки ,
Тамъ будешъ плакати ,
Никому пожаловати !

17.

Въ лѣсѣ, лѣсѣ буковомъ ,
Ой шло, шло два тесельчика ,
Сѣкуть, рубаютъ самборъ деревце ,
Сѣкуть, рубаютъ, на Дунай пускаютъ ,
Чи упбрне, уворне самборъ деревце ,
Чи пойме, чи возьме староста сватеньку ?
Не впбрне, ни увбрне самборъ деревце ,
Ни пойме, ни возьме староста сваненьку .

18.

Ой у саду вишенька ,
По подъ нею стеженька ;
Питався староста ,
Кто ту стеженьку утоптавъ ?
Ой утоптавъ ею
Молодый дружбиненько ,
Съ вечера ходячи ,
Подарунки просячи .

19.

По за Дунаёмъ кони
Сивыи и вороныи ;
Журився старостонько ,
Кому-бы поплынути ,
Стаденько повернути ?
Учула тое сваненъка :
Не журися старостеньку ,
Положу ти мосты
Съ бѣлои рыбы кости ,
Туда-жъ ты перѣдешъ
Вороне стадо вернешъ.

20.

Подъ дубровою ,
Подъ зеленою ,
Дрѣбна росонька впала ;
Тамъ Марусенька ,
Тамъ паниуненъка
Красу розсѣвала .
Прійшовъ до неи
Батснько си :
«Що дѣашъ Марусенько?»
Тое я дѣю ,
Красенъку сїю ,
Изъ рукавця вытрясаю ;
Ой якъ ми Богъ дасть
Добру доленъку ,
Я ею посбераю ;
А якъ ми Богъ дать
Лиху доленъку ,
То ю понехаю .

21.

Наѣхали гостеньки
 Изъ чужой стороненъки ,
 Взяли си подпивати :
 «Иди , Марусеньку ,
 Въ нашу стороненъку ;
 Въ сторонѣ наши —
 Гороныки золотыи ,
 Травоныки шовковыи ,
 Рѣчоныки медовыи.....»
 Прилетѣла зазуленъка ,
 Сѣла си въ оконочку ,
 Тай стала ковати ,
 Всімъ правду казати :
 «Свѣтъ- же я облѣтала ,
 А того не видала ;
 Всюда горы земляныи ,
 Травоныки зеленыи
 Рѣченъки водяныи .

22.

Ой легъвъ соколенько черезъ три лѣсы ,
 А на четвертомъ ставъ на попасть ,
 Сставъ на попасть въ галенъки на гнѣздѣ ;
 А ему галенъка дуже раденька ,
 Ягодки сбирае , соколенька пріймае .
 Ой ъхавъ Иvasенько черезъ три селы ,
 А на четвертомъ ставъ на понасть ,
 Сставъ на понасть въ тестенька на дворѣ ;
 А ему Марусенька дуже раденька ,
 Дала коневи зеленого сѣна ,
 А ему молодому и меду и вина .

23.

Ходить садовникъ по садоньку ,
 Вишни , черешни личить ;
 «Ой є же мои вишни , черешни ,
 Ино сливоныкъ стято ,
 Стято , порубано ,
 И трёсочки позбёрано !»
 Ходить батенько по свѣтлоныцѣ ,
 Всю челядоньку личить :
 «Ой є же моя вся челядонька
 Ино едной нема.....
 Марусеңьку взяли ,
 Въ чужину завели !»

24.

Чорна ся галонька журила ,
 Шо зарано вылетѣла ;
 Всюда морозъ , всюда снѣги ,
 Нигде сѣсти гнѣзда вити ,
 Дѣтоныки выводити !
 Красна ся Маруня — журила
 Шо молода замужъ пошла ;
 Ни якъ си радоньки дати ,
 Не умте ни въ полю робити ,
 Ни въ дому господарити !
 Вчувъ тое король Ивасенъко :
 «Не журися Марусенько ,
 Ой є въ мене рѣдна мати ,
 Шо тебс буде вчити
 И въ полю робити ;
 И въ дому господарити .

25.

Ивасева мати двери подхилла ,
 И съ зорою размавляла :
 «Ой зоре моя, зоре, зоренько вечерняя ,
 Тожесь ми присвѣтила :
 До дому мытницю ,
 До поля роботницю ,
 До коморы ключницю (*).

26.

Казавесь клёновый листочку ,
 Шо не будешъ падати ,
 А теперь падаешь ,
 Земленьку крыешъ ,
 Бо лютый морозъ чуешъ !
 Ой казавесь мой батеньку ,
 Шо мя не дашъ вѣтъ себѣ ,
 А теперь даешь
 Таи самъ не знаешь ,
 Шо за доленька буде ,
 «Тото ти даю ,
 Шо въ дому маю ,
 Доли ти не сгадаю .»

(*) Всѣ эти 25 свад. пѣсень, поются въ Жолкевѣ, на ствѣрѣ отъ Львова, въ древнемъ Бельскомъ или Выслоцкомъ удѣлѣ — Русскихъ Вольнъско-Червенъскихъ Князей.

27.

До Нѣмець , братчику , до Нѣмець ,
 Купити щоточку , гребенець ,
 Розчесати русу-косу подъ вѣнѣць .

28.

Грайте музыки рѣзко ,
 Склонися Мариню низко ,
 Всѣй своїй родинонцѣ ,
 Найменышої детинонцѣ .

29.

Ой Татарь братчикъ , Татарь
 Продавъ сестру за таляръ ,
 Русу-косу за шостакъ ,
 Румяне личко таки такъ !

30.

Сѣрѣвна дружбоњко , сѣрѣвна ,
 Край коровай сѣдробна ;
 Треба сѧ складати ,
 Всю родину даровати .

31.

Мы роду пе дѣвовскаго ,
 Мы роду старосвѣцкаго ,
 Мы до васъ пе ходили ,
 Короваю не просили .

32.

Ой встанимо , подіймимося ,
Сдіймемо шапочки , поклонимося ,
На передъ Богу , господареви ,
Господароньцѣ и кухароньцѣ ,
За хлѣба принесеннѣ ,
За пива приставленнѣ ,
За студеную воду ,
За добрую сгоду .

33.

Дякуемо вамъ люде ,
За хлѣбъ , за соль , за горѣвку ,
И за хорошу дѣвку .

34.

Спытаіся Мариню , мамы ,
Чи пойдешъ ты съ нами ?
Завеземо тя въ горы ,
Неповернешъ николи !

35.

Та дайтежъ намъ , дайте ,
Щосьте намъ обѣзяли :
Три подушокъ имховыхъ ,
Сто золотыхъ готовыхъ ,
И тое простирало ,
Що шовкомъ вышивано .

36.

Не забувай мати ,
 Шовковый чепець дати ,
 И мъховый подушки ,
 Щобы спали двѣ душкы.

37.

Ой попе , попе , батьку нашъ ,
 Отвори церковцю , пусти нась .

38.

Повѣвъ вѣтеръ по горѣ ,
 Пріишовъ молодый зъ войны ;
 Ой де стане , земля тане ,
 Куда гляне , трава вянне ,
 А каже Львовъ розбивати ,
 Королевну добувати ;
 Ой молодый ты небоже ,
 Най ти Господь да поможете , —
 Королевна не твой рѣвна .

39.

Убита ми дорожка до Львова ,
 А посаженый тамъ виноградъ ,
 Ходить коло него Маруня ,
 Ходить тай заснула ;
 А иде туда батичко :

А вломивъ бы я того винограду ,

Та не вмѣю ,

А сбудивъ бы я Марьичку ,

Та не смѣю .

Убита ми дороженька до Львова ,

А посаженый тамъ виноградъ ,

Ходить коло него Марьичка ,

Ходить , тай заснула ;

А иде туда миленький ,

Виноградъ ломати вмѣе ,

Марьичку сбудити смѣе .

40.

А мы въ церкви були ,

Щосьме тамъ видѣли ?

Два вѣнци , на стѣнцѣ ,

Молодимъ на головцѣ .

Ой попе , попе , батько нашъ ,

А попъ ихъ и свѣнчявъ ,

Двоє дѣти зъ мѣжи нась .

Одно дѣтятко — Марьичку ,

А друге Василько .

А дякуемо попочкови ,

Свому батечкови ,

Шо нась не забавивъ ,

Не богато съ нась правивъ :

Лешъ жовтого червоного

Вѣтъ пана молодого .

41.

Що-жъ мы тобъ привѣли,
 Выйди матечко, погляни,
 Чи калиночку, чи малиночку,
 Чи молоду невѣсточку?
 А де калина стята,
 Тамъ молоденька взята,
 Вѣтъ вѣтца, вѣтъ мати,
 До молодого хаты,
 Вѣтъ роду великого,
 До богацького дому.

42.

Домашина мати
 По улицѣходить,
 Сусѣдъ своихъ просить:
 Та сусѣденьки мои
 Даходить до мене,
 Та слѣпить коровай красный,
 Якъ на небѣ мѣсяцъ ясный;
 Пойдете съ шишочками (*),
 Якъ на небѣ съ зорочками.

(*) Небольшие хлѣбы, на верху у нихъ изображаются шишки или голуби; они обвиваются въ Малороссіи «червоными жичками» и украшаются ягодою калины — она есть символъ цѣломудрія.

43.

А не вѣй вѣтре въ лозы ,
Повѣй по дорозѣ ,
Розвѣй русу-косу ,
По червонимъ поясу !

44.

Съсѣченая калиночка, съсѣченая ,
А вже наша Домашка свѣнчая ;
Жовты чоботки на нозѣ ,
Що купивъ въ мѣстѣ на торзѣ .

45.

Полети соколенъку, попередъ нась ,
Занеси вѣстоночку вѣтъ нась ,
Нехай выходить матенька съ колачемъ ,
Свѣнчали еи дочичку съ паничемъ ,
Чи съ паничомъ, чи не съ паничомъ ,
Свѣнчали ею съ мужикомъ ,
Связали бѣлы ручки ручникомъ .

46.

Глянь матенько, на мой посагъ !
Всѣхъ дружочекъ плетена коса ,
А на мене така падь пала , —
Що я свою розчесала ,
Косками плечи окрыла ,
Слѣзками личко умила !

47.

Ковала зазулочка въ садочку ,
Прихиливши головочку къ листочку ;
Що-жъ она куючи казала ?
Шо не буде у свекрухи , такъ я въ мати мала ,
Шо не буде на уленьку пускати
Ено буде въ хатѣ держати .

48.

Хвалилася Княгиня ,
Шо е дарбъ скрыня ;
Хиба ихъ не маєте ,
Шо намъ ихъ не даете .

49.

На соколовомъ полѣ
Слетилися соколы ,
Межи ними соколонько ,
Межи ними сивенький ,
Крылоньками махае ,
Летътоныки (*) гадае ,
Въ темный лѣсоныки ,
Межи чорны галоньки ,
Тамъ му галонька мила , —

(*) Уменьшительная степень глагола летать; въ Малороссійскомъ нарѣчіи, глаголы и многія нарѣчія имѣютъ степени сравненія.

Бо гнѣзdochко увила ,
Увила , перевивала ,
Вѣнникомъ пообладала ,
На Ивасѣвомъ дворѣ ,
Сѣхалися бояры ,
Межи ними Ивасѣнько ,
Межи ними молоденкій ,
Въ руцѣ шапочку носить ,
Свои бояры просить :
«Бояры молоды !
Учинить волю мою ,
Да ходить со мною до тестенька на дворь ,
До Маруненьки за столь :...
Тамъ ми Марунѣнька мила —
Бо ми сорочку ушила .

50. Старостыняка

На горѣ , на горѣ зеленый барвинокъ ,
А на тымъ барвинкови перепелонька грае .
А хто-жъ тую перепелоньку словить ?
Старостыняка мовить :
Я-жъ бо не поду ,
Мой конь сивенький
На камень не ступить ;
Каменя не влупить ;
Нимъ подъ гору ввойде ,
И соненько сойде .

На горѣ , на горѣ зеленый барвинокъ ,
А въ тымъ барвинкови перепелонька грае ,
А хто-жъ тую перепелоньку словить ?

Дружбонька мовить :

Я-жъ бо не поду ,

Мой коникъ сивенький,
На камень не ступить,
Каменя не влупить,
Нимъ подъ гору ввойде,
И соненько сойде.

На горъ, на горъ зеленый барвинокъ,
А въ тымъ барвинкови перепелонька грае,
А хто-жъ тую перепелоньку словить?

Хорунжій мовить:
Я-жъ бо не піду,
Мой коникъ сивенький,
На камень не ступить,
Каменя не влупить,
Нимъ подъ гору ввойде,
И соненько сойде.

На горъ, на горъ зеленый барвинокъ,
А въ тымъ барвинкови перепелонька грае,
А хто-жъ тую перепелоньку словить?

Цѣлый свѣтъ мовить:
Василько піде,
Его коникъ сивенький,
И на камень ступить,
И каменя влупить,
И подъ гору ввойде —
Нимъ соненько сойде
И перепелоньку вхопить:
Перепелонька Марусенька, —
Взявъ ею за рученьку,
Повѣвъ до батенька.

КОНЕЦЪ.

ЦѣНА :

Въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ 4 рубли ;
съ пересылкою во всѣ города 5 руб.